

Военные
Приключения

**НЕ ДЛЯ МЕНЯ
ДОН РАЗОЛЬЁТСЯ...
АНДРЕЙ ВОРФОЛОМЕЕВ**

**ВО ИМЯ ОТЕЧЕСТВА
МИХАИЛ СОЛОВЬЁВ**

Военные приключения (Вече)

Андрей Ворфоломеев

Не для меня Дон разольётся...
Во имя Отечества

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

Ворфоломеев А. А.

Не для меня Дон разольётся... Во имя Отечества /
А. А. Ворфоломеев — «ВЕЧЕ», 2026 — (Военные приключения
(Вече))

ISBN 978-5-4484-5938-2

Не думал не гадал нижний чин русской императорской армии Степан Воинцев, что, приняв участие в боевых действиях против австрийцев, тем самым круто изменит собственную судьбу. Ему, вчерашнему крестьянину из малороссийской глубинки, отныне предстояло пройти череду невероятных и опасных приключений. Попасть в австрийский плен, сражаться в рядах итальянской армии, вернуться в Россию, снова оказаться на фронте, а затем, нырнув в водоворот революционных событий, очутиться в рядах Красной армии, выполнять секретные поручения в соседнем Китае и, наконец, счастливо вернуться в родные края – налаживать новую, мирную жизнь. Полковник Михаил Снигирёв в повести «Во имя Отечества» – не просто герой войны, но живая легенда русской военной разведки. Пройдя сквозь ад Великой Отечественной и получив тяжелейшее ранение, он продолжил служить стране, став военным контрразведчиком. За его спиной – блестящие операции в Париже и преподавание в элитном военном институте. Полковник Снигирёв стал воплощением офицерской чести, верности долгу и преданности Родине. Но настоящая сила его наследия – не в боевых наградах, а в тех, кто пошел по его стопам!

УДК 821.161.1-311.3
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-5938-2

© Ворфоломеев А. А., 2026

© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Андрей Ворфоломеев	7
1	7
2	12
3	15
4	18
5	22
6	26
7	30
8	33
9	38
10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Алексеевич Ворфоломеев
«Не для меня Дон разольётся...»
Михаил Александрович Соловьёв
Во имя Отечества

© Ворфоломеев А.А., 2026

© Соловьёв М.А., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2026

Андрей Ворфоломеев «Не для меня Дон разольётся...»

1

Нижний чин Степан Воинцев попал в плен во время так называемой «резиновой войны». В начале 1915 года австрийские войска начали наступление в Карпатах в надежде отбросить русскую армию от перевалов, ведущих на венгерскую равнину. Для тех и других в условиях горной местности бои вылились в цепь мелких, но оттого не менее ожесточенных стычек с ничтожными общими результатами. Продвижение вперед или назад исчислялось буквально метрами. Ну и солдатскими жизнями, разумеется. Озверение достигло крайних пределов.

Полурота 14-й пехотной дивизии, в которой служил Воинцев, была окружена австрийскими горными егерями по гребню превосходящих высот. И все же русские, возможно, сумели бы вырваться из кольца, если бы враги не применили жуткую техническую новинку, разом сломившую у наших солдат всякую волю к сопротивлению. Со стороны австрийцев раздался винтовочный выстрел, и Степан только и успел заметить, как голова припавшего рядом к камням поручика Лебедянского словно взорвалась изнутри. Брызги крови, перемешанные с ошметками плоти, далеко разлетелись вокруг. От следующего залпа оторванная рука рядового Петрухина выскочила из страшной раны, образовавшейся на месте правого плечевого сустава. Ото всюду слышался дикий вой чудовищно искалеченных людей.

– Братцы!!! Что же это делается?!

Так русские солдаты впервые познакомились с разрывными пулями «дум-дум». Впоследствии те из австрийцев, у кого в подсумках находили обоймы с ними, принципиально не брались нашими в плен, а уничтожались на месте. Однако сейчас остатки полуроты были полностью деморализованы. Не каждый рассудок мог выдержать зрелище столь ужасных увечий. Да и предыдущими боями солдаты были вымотаны основательно. Приходилось сражаться в сильные морозы, по пояс в снегу и при начинавшем уже сказываться недостатке боеприпасов. Выручали русская смекалка и русский же штык. Но не всегда же на них рассчитывать! Особенно когда противник так и сыпет вокруг смертоносной шрапнелю.

Сам Степан в плен сдаваться не собирался. Но от судьбы, как известно, не уйдешь. Один из егерей швырнул со скалы ручную гранату, и от близкого разрыва Воинцев на мгновение потерял сознание. А когда очнулся, то невольно поразился воцарившейся в горах тишине. То тут то там, беззвучно разевая рты, словно в увлекательном «фильме» про войну, метались русские и австрийские солдаты. Красиво взметывались вверх фонтанчики снега, поднятые неслышно летавшими пулями и осколками.

– А? Что? – выронив винтовку и прижав руки к ушам, тщетно прокричал оцепеневший от сознания собственной глухоты Степан. Ответом послужил ловкий удар, которым подскокивший ражий егерь разом сшиб его с ног.

Полностью слух вернулся к солдату лишь через несколько часов. За это время австрийцы построили захваченных пленных в колонну и, подгоняя тех ударами прикладов, погнали в расположение своего полка. Так для Степана Воинцева и его товарищей началась горькая жизнь во вражеской неволе. Ну а что такое плен, объяснять не надо. Окрики конвойных, зуботычины, постоянное унижение. Плюс тяжелый физический труд вкупе с отвратительным питанием. Не далек был тот час, когда и Австро-Венгрия, вслед за Германией, введет и на своей территории продовольственные карточки. Пока же продуктов в тылу хватало. Но, разумеется, только для

своих. На долю русских пленных выпадала лишь сушеная свекла да баланда из нечищеного турнепса.

Другое разочарование Степана практически не затронуло. А вот очутившийся с ним в одном лагере призванный из запаса прапорщик Любавин был, что называется, потрясен до глубины души. Тот, как человек образованный и ярый панславист, все никак не мог понять, почему многочисленное славянское население империи Габсбургов не только не стремится, пользуясь моментом, восстать против своего престарелого кайзера Франца-Иосифа, но и храбро за него сражается. Помимо, собственно, немцев и венгров, против русской армии преспокойно воевали и чехи, и словаки, и даже украинские горцы бойки, лемки и гуцулы, к «освобождению» которых призывал свои войска великий князь Николай Николаевич.

Воинцеву же подобные интеллигентские рассуждения были чужды. Будучи простым крестьянином из села Украинская Буйловка Белогорской волости Острожского уезда Воронежской губернии, он всю жизнь считал себя «хохлом», хоть и говорил, естественно, не на литературном украинском языке, а на своеобразном «суржике», что не мешало Степану завязать знакомство с некоторыми из солдат-гуцулов из охраны лагеря. У тех тоже был свой «суржик». Только не русско-украинский, а украинско-немецкий!

Один из горцев, высокий, вислоусый Григор Зирняк, рассказал, подмигнув, Степану любопытную солдатскую сказку:

– А ты знаешь, отчего война-то началась? Собрались раз ваш царь с немецким кайзером и заспорили. Николай и говорит: «У меня войска столько, сколько зерна на поле!» А Вильгельм в ответ: «Я выпущу такого железного петуха, который все твоё зерно склюет!»

Воинцев не мог не признать меткости этой народной байки, вспомнив, с внутренним содроганием, сокрушительный огонь германской и австрийской тяжелой артиллерии, сметающей и перемешивающей с землей русские позиции. Впрочем, нельзя сказать, будто все западные украинцы одинаково относились к нашим пленным. Люди везде разные. Кто, оглядевшись по сторонам, украдкой перебрасывал через лагерную ограду сухарь или кусок брынзы, а кто, многозначительно передернув затвор винтовки, окриком заставлял отойти подальше от колючей проволоки.

Что до Степана, то пробыл он в прифронтовой зоне не очень долго. Кроме продовольствия, в Австро-Венгрии начал ощущаться и серьезный недостаток рабочих рук. Поэтому однажды всех военнопленных вывели из лагеря, пешим строем пригнали на ближайшую железнодорожную станцию и, погрузив в теплушки, повезли вглубь страны. А там уже узников начали быстро и сноровисто распределять, исходя из своих потребностей. Кого отправили на шахты и заводы, кого – на сельскохозяйственные предприятия. Воинцева же, наряду с наиболее сильными и выносливыми, опять загнали в вагоны и повезли дальше к югу. И вот настал момент, когда на горизонте замаячили вздымавшиеся чуть ли не до самого неба заснеженные вершины Доломитовых Альп.

У себя дома, вместе с односельчанами, Степан наивно называл горами обрывистые меловые утесы высокого правого берега Дона. А иных в степях и не водилось! И лишь попав во время войны в Карпаты, он понял, что такое настоящие горы. Однако Альпы оказались еще выше и величественнее. Долгие годы Доломиты являлись естественной границей между Австро-Венгрией и Италией. Но сейчас, похоже, здешнему спокойствию приходил конец. Итальянцы, хотя и считавшиеся союзниками австрийцев, давно имели к своим северным соседям территориальные претензии. Однако те, за одну только военную поддержку, отдавать Трентино и Южный Тироль отнюдь не собирались. Поэтому воинственные подданные короля Виктора-Эммануила III все чаще и чаще благосклонно поглядывали в сторону Антанты. Уловив тревожные тенденции, командование австро-венгерской армии принялось лихорадочно укреплять позиции в горах. Особенно – в окрестностях перевалов, ведущих на территорию страны.

Для этой цели использовались любые трудовые ресурсы, вплоть до мобилизованных гражданских лиц и многочисленных военнопленных.

Степан Воинцев оказался приписан к 29-му рабочему батальону, занимавшемуся укреплением и без того труднодоступного хребта Лагацуои. Разумеется, помимо собственной воли. Его согласия, впрочем, никто особо не спрашивал. В противном случае имелась надежно сколоченная батальонными саперами виселица. Если не хочешь болтаться на ней, то бери кирку, тачку или лопату и отправляйся в горы. На позицию «Гоигингер», если быть точнее. От окружающей перспективы и впрямь захватывало дух. Крутые, почти отвесные склоны, сложенные из светло-шоколадного известняка. Гибельные пропасти, на дне которых поблескивали тоненькие ниточки протекавших там рек. Расправившие широченные крылья орлы, зачастую парившие гораздо ниже работающих в скалах людей. И, наконец, резко выделявшаяся на фоне остальных вершин неправильная пирамида горы Тофана, вся расчерченная косыми полосами слоев осадочных пород. Тут не только камни ворочать – просто ходить иногда было опасно!

Их взводом командовал молоденький кадет Схейбек. Подобно своему знаменитому литературному собрату – кадету Биглеру из «Похождений бравого солдата Швейка», он тоже страстно хотел совершить какой-нибудь героический поступок. Вот только контингент обоим попался совершенно неподходящий. Поэтому, когда 15 июня со всех сторон вдруг посыпались итальянцы в своих шипованных ботинках-скарпах и украшенных перьями шляпах, никто и не подумал сопротивляться.

– Ну, что же вы?! Сражайтесь!!! – со слезами на глазах воскликнул Схейбек, которому враги выкручивали руку с судорожно зажатым в ней револьвером.

– Чем? Этим? – на ломаном немецком ответил Степан, отбрасывая в сторону опостылевшую кирку. – И за что?

В роли невольных освободителей выступила 229-я рота батальона альпийских стрелков «Валь-Чизоне». Узнав, что среди захваченных австрийцев находятся и русские военнопленные, итальянцы тотчас отсортировали их из числа прочих. Теперь же они считались союзниками! Чуть позже, уже после спуска на итальянскую сторону хребта, перед Степаном и его товарищами выступил сам командир батальона подполковник Джузеппе Ратти. Русского переводчика, правда, не нашлось, но многие из узников за время нахождения в плену успели по верхам нахвататься немецкого. На нем и беседовали с итальянцами. Ратти не стал ходить вокруг да около. Желаящие, сказал он, будут немедленно переправлены в тыл и там будут ждать ближайшей okazji для возвращения на родину. Есть и другое предложение. Те, кто захочет, могут быть зачислены во вспомогательные части доблестной итальянской армии. В таком случае их немедленно поставят на полное пищевое довольствие и даже начнут выдавать жалованье в лирах. А после полной победы над врагом (разумеется, скорой) они тоже вернутся домой, но уже – богатыми людьми!

Степан Воинцев поверил посулам подполковника. И дело здесь заключалось даже не в деньгах. Просто единственный путь из Италии в Россию в условиях военного времени проходил только по морю. А австрийская пропаганда настолько расхваливала успехи немецких подводников, будто бы топивших все без исключения пароходы союзников, что данный вид транспорта среди пленных стал считаться чем-то очень ненадежным. Да и с довольствием Ратти не обманул. Итальянская армия снабжалась гораздо лучше австрийской, и на столах даже вспомогательных подразделений регулярно бывали кофе, сыр, салатами, сгущенное молоко, макароны и неизменная каша-полента. Плюс добрая порция красного вина. Альпийские стрелки, впрочем, на высокогорье предпочитали пить виноградную водку – граппу. Но и работу приходилось выполнять специфическую.

Начавшееся поначалу бодро наступление итальянцев в Доломитовых Альпах тоже постепенно застопорилось. Хотя и у них были свои успехи. Пусть и локального значения. Так, 19 октября 1915 года взвод младшего лейтенанта Пеннати из 228-й роты того же батальона аль-

пийских стрелков «Валь-Чизоне» занял горный выступ на пике Малый Лагацуои, расположенный к югу от высоты 2779 и удачно доминировавший над австрийской оборонительной позицией «Фонбанк». Впоследствии его начали называть «Выступ Мартини», в честь нового командующего батальоном подполковника Этторе Мартини. Теперь там кипели ожесточенные бои. Итальянцы закрепились и непрерывно обстреливали австрийцев, а те то и дело пытались сбить их с выступа. В свою очередь, высокогорные гарнизоны надо было постоянно снабжать. И тут суровая природа Доломитовых Альп диктовала свои условия. В предгорья все необходимое доставлялось на грузовиках. Там грузы уже поджидали караваны мулов, поднимающие их еще выше. Однако наступал такой предел, когда и эти выносливые животные не могли одолеть все возрастающую крутизну склонов. Тогда в дело вступали так называемые «подносчики», подобные Степану Воинцеву и остальным добровольцам. Они взваливали грузы на свои плечи и карабкались выше шаг за шагом. Туда несли мины, снаряды, ящики с патронами и гранатами, мешки с продовольствием, тюки теплой одежды, бревна, доски и другие строительные материалы. Обратно спускали носилки с больными и ранеными, конвоировали пленных, выносили трофейное и вышедшее из строя свое оружие.

Степан очень скоро запомнил все, даже самые мельчайшие подробности этих монотонных и утомительных восхождений по узеньким тропинкам, тесным расщелинам или деревянным лестницам, проложенным в горах. Здесь крутой поворот, а там находится скальный выступ на уровне колен, через который надо обязательно переступить, чтобы не споткнуться и не полететь вниз. Некоторые так принаравливались, что даже умудрялись дремать на ходу! Иногда «подносчиков» сменяли бесконечные вереницы поднимающихся на позиции войск. Солдаты шли с полными подсумками патронов, набитыми вещевыми мешками, некоторые помогали себе длинными альпенштоками. Почти все заблаговременно надевали на головы свои стальные каски. Русскому рабочему, если честно, начинали нравиться эти вечно живые и азартно жестикулирующие итальянцы. У них, казалось, напрочь отсутствовало чинопочитание. Так, после первых же серьезных неудач на фронте альпийские стрелки принялись, не стесняясь, распевать язвительные стишки собственного сочинения, далеко не в лучшем светеставлявшие высшее командование армии. В вольном переводе они звучали так: «Виктор-Эммануил отправился в Кортину посетить своих солдат. Затем он поехал в Фальцарево, где генерал горных стрелков показал: „Вон там Сассо-ди-Стрия, а мы идем обратно!“ Или: „Генерал Кадорна написал своей королеве, что если она хочет видеть Триест, то пусть купит открытку с видом города!“» Их можно было понять. Отнюдь не генералы замерзали в пургу и срывались со скал под кинжальным огнем противника.

В первой половине дня 31 октября Степан Воинцев, как обычно, поднялся к «Выступу Мартини». Сейчас там в который уж раз кипел жаркий бой. Альпийские стрелки отражали очередную атаку австрийских егерей. Степан поначалу не обратил на это ровно никакого внимания, поскольку импровизированный склад, куда он сгружал свою ношу, находился в сравнительно безопасном месте. Да и сама позиция, всего двенадцать дней назад занятая взводом Пеннати, изменилась почти до неузнаваемости. В скалах были оборудованы деревянные укрытия и прорублены дополнительные пещеры и галереи. Немного передохнув и еще раз подивившись человеческой изобретательности, русский «подносчик» собрался уже идти обратно, как вдруг со стороны перевала Вальпарола открыла огонь австрийская артиллерия. Снаряды дальнобойных гаубиц с пронзительным свистом начали падать в расположении итальянцев. Но странное дело. Вместо привычных разрывов отовсюду доносились лишь не очень громкие хлопки. А следом из образовавшихся воронок поползли плотные клубы густого желтого дыма.

– Газы!!! – заорал кто-то нечеловеческим голосом. – Газы, ребята!!!

На «Выступе» воцарилась паника. Как бороться с дьявольской отравой в начале войны толком не знали. Да и противогазов еще не было. Мимо Степана, задыхаясь от кашля, промчался один из альпийцев с искаженным от ужаса лицом. Вслед за ним, побросав карабины,

устремились остальные. А тут еще и австрийцы, воспользовавшись тем, что ветер дул в сторону «Выступа», пошли в новую атаку. Однако в одном из укрытий, преодолевая опасность быть отравленными, осталось отделение пулеметчиков-сардинцев. Они и открыли огонь по наступающим австрийским егерям. Те, словно подкошенные, рухнули на скалы, а одинокий «Фиат-Ревелли» продолжал строчить, не давая врагу ни малейшего шанса на продвижение вперед. Газ, похоже, не брал отважных сардинцев, зато боеприпасы, увы, неумолимо подходили к концу. По крайней мере, выпустив несколько кассет, используемых итальянцами вместо более привычных лент, пулемет стал стрелять гораздо медленней и расчетливей.

– Картуччи! Картуччи! – раздался отчаянный крик командира отделения младшего лейтенанта Пиньоли. – О, мамма мия!

Степан не сразу понял, что тот просит принести еще патронов. Однако вокруг уже никого не было. Облако газа, не успевшее доползти до «подносчика», по-прежнему продолжало клубиться, заволакивая собой «Выступ Мартини». Взглянув на него критическим взглядом, Степан на мгновение заколебался между чувством самосохранения и товарищеским долгом. Но тут все мысли из головы вытеснила одна – ясная и понятная. Если итальянцы не сумеют отбиться, то «Выступ» захватят австрийцы. А там что? Опять в плен попадать? Ну уж нет! Пускай сами свеклу сушеную жрут!

Быстро осмотревшись, Степан разворошил штабель одинаковых деревянных ящиков с трафаретной надписью «Cartucce da 6,5» и, наконец, отыскал то, что нужно – коробки со снаряженными кассетами для пулемета. Подхватив сразу две в обе руки, он вдохнул поглубже и, постаравшись задержать воздух в легких как можно более дольше, со всех ног помчался сквозь ядовитую пелену к бункеру пулеметчиков.

– О, руссо! – обрадовавшись, прокаркал кашлявший и утиравший беспрерывно текущие слезы лейтенант. – Молодец! Давай, давай! Темпо!

Вдвоем они мигом заменили почти опустевшую кассету, и Пиньоли опять принялся к ходившему ходуном «Фиату». И вовремя. Подобравшиеся близко австрийцы в очередной раз были скошены смертоносной очередью. Степан же, больше не в силах терпеть, ненароком глотнул отравленного воздуха, и в обе ноздри его тотчас словно вонзили по раскаленному гвоздю. Закашлявшись и невольно замотав головой, русский «подносчик» постарался поползти поближе к прорубленной в скале амбразуре. Но, как видно, недаром сардинцы держали в углу своего бункера икону Девы Марии, висевшую по соседству с развешанными по стенам касками. Да и лейтенант Пиньоли не зря перед каждым боем целовал извлеченный из-за воротника мундира маленький нательный крестик. Так или иначе, помог Всевышний или произошло счастливое стечение обстоятельств, однако концентрация газа на позициях пулеметчиков так и не достигла предела, способного отравить взрослого человека. Оба храбреца не только остались живы, но даже не потеряли сознания. А там и подмога подоспела, поскольку итальянским офицерам удалось быстро пресечь панику и навести порядок среди своих подчиненных. Австрийскую атаку отбили.

2

После отравления газами на «Выступе Мартини» Степан попал в тыловой госпиталь. В палату к «русскому герою» сразу же зачастило множество народу – журналисты, представители общественности, восторженные девицы с цветами, апельсинами и коробками папирос. Совершенно неожиданно очутившийся в центре внимания вчерашний крестьянин поначалу стеснялся этого бесконечного круговорота лиц, то и дело перемежающегося вспышками бурных эмоций и ура-патриотических заверений. Однако особенно сильное впечатление произвел на него визит весьма примечательного посетителя. Сначала в дверной проем вдвинулся довольно объемистый живот, затем показалась солидная окладистая борода с проседью и, наконец, в палату самым натуральным образом вплыл представительный мужчина лет пятидесяти в штатском пальто. Свою шляпу, равно как и сложенный зонтик, он держал в руках.

– День добрый! – к крайнему изумлению всех присутствующих по-русски пророкотал незнакомец, сквозь стекла пенсне всматриваясь в Степана. – Так вот он каков, наш герой! Выглядит молодцом! Ну что ж, давайте знакомиться. Я – Амфитеатров! Он же – «Московский Фауст», он же – «Старый джентльмен»!

– Не имею чести знать! – простодушно признался Воинцев.

Очевидно, ожидавший совсем иной реакции визитер удивленно воззрился на солдата.

– Что, совсем ничего не читали?

– Никак нет, ваше благородие!

– Ах, оставь. Какое я тебе благородие! Да, вот это сюрприз. А я уж, грешным делом, думал, будто мое имя по всей России-матушке гремит. А оно вон что получается. Откуда ж ты такой выискался, служивый?

– Воронежские мы!

– Это я знаю. Степан Воинцев, верно?

– Так точно!

– Ну-с, о ваших подвигах на «Выступе Мартини» я уже наслышан. Поговорим о других боевых эпизодах. Начнем, пожалуй, с Италии. Для русской публики это будет звучать гораздо более экзотично. Как фельетонист с огромным стажем говорю! Здесь, в Доломитах, вы только на Лагацуои были?

– Нет. Еще на Мармоладе.

– О, Мармолада! «Королева Доломитовых Альп»!

– Она самая...

Расположенный на самом левом фланге Доломитов, увенчанный сверкавшим на солнце огромным ледником, горный массив Мармолада вздымался на высоту более трех тысяч метров. 8 июня 1915 года подразделения финансовой гвардии и батальона альпийских стрелков «Беллуно» заняли перевал Омбретта – единственный, связывавший между собой долины Валь-Контрин и Валь-д'Омбретта. Их вел пятидесятилетний горный гид Винченцо Ферзош, хорошо знавший здешние места и сумевший отыскать трудную, но вполне проходимую тропу на вершину стены Вернель. Однако дальнейшее наступление итальянцев, как и повсюду, быстро застопорилось, остановленное проволочными заграждениями и огнем искусно замаскированных австрийских пулеметов. Это и неудивительно. Горные егеря противника тоже были хорошо подготовлены, да и занимали заблаговременно обустроенные позиции на господствующих высотах. Итальянцам же приходилось штурмовать их в лоб, что обходилось немалой кровью.

В свою очередь, обозленные первыми неудачами и гибелью товарищей альпийские стрелки задумали целую карательную операцию. С неимоверными усилиями они умудрились втащить артиллерийское орудие на перевал Кирелле. Впрочем, это было легче сказать, чем сделать. Узкая горная дорога не позволяла встать более чем четверым в ряд, и потому осталь-

ные, подобно русским «бурлакам», выстраивались в длинные колонны по десять-двенадцать человек и, впрягшись в импровизированные лямки, тянули пушку за собой. Иногда для транспортировки одного тяжелого орудия собиралось до пятидесяти альпийцев и их помощников. Участвовал в восхождении на Кирелле и Степан. Напрягая все силы, он в то же время то и дело оборачивался назад, дабы посмотреть, как идет в гору пушка. Это занятие полностью поглощало внимание и не давало по достоинству оценить простирающиеся вокруг пейзажи. А они и впрямь были незабываемыми. Больше всего поражала Степана особенность здешнего известняка окрашиваться в розовый цвет на закате солнца. Словно дивный розовый сад короля гномов Лаурина...

Впрочем, суровая действительность вскоре опять властно напомнила о себе. Установив с таким трудом доставленную пушку на перевале, итальянцы навели ее и 6 сентября 1915 года до основания разрушили находившуюся по ту сторону хребта высокогорную гостиницу «Кон-трин», использовавшуюся австрийцами в качестве тыловой базы. Тем не менее Мармолада так и осталась кратковременным эпизодом в альпийской карьере Воинцева. В основном он все же находился на Лагацуои.

– Понятно, – покивал головой Амфитеатров. – Ну а кормят в итальянской армии как? Терпимо? А то во Франции уже стал гулять целый анекдот. Мол, наши соотечественники, которым посчастливилось бежать из немецкого плена и очутиться в расположении союзников, жаловались, будто на обед им дают сырое мясо и коровий навоз! В конечном итоге выяснилось, что таким образом наши солдатики именовали бифштексы с кровью с гарниром из шпината, ха-ха-ха!

И фельетонист, закинув голову, оглушительно расхохотался. Для приличия усмехнулся и Степан, хотя и совершенно не понял соль шутки. У итальянцев с питанием дело обстоит гораздо проще. И привычней. Полента – та же каша, пусть и по-другому называемаяся. Салями – колбаса. Ну и так далее.

Очевидно, уловив повисшую в воздухе неловкую паузу, «Московский Фауст» поспешил перевести разговор на иную тему:

– Ладно. Теперь давай к делам российским. Так значит в плен ты, милейший, угодил в Карпатах?

– Именно.

– А до того службу где проходил?

– В 56-м пехотном Житомирском полку 14-й пехотной дивизии 8-го армейского корпуса 8-й армии генерала от кавалерии Брусилова! – единым духом выпалил солдат.

– Ничего себе! – изумился журналист. – И как ты все это запомнил?

– Армия, ваше благородие, всему научит. А фельдфебель заставит!

– Охотно верю! И раз ты, друг любезный, под началом Брусилова служил, то, наверное, и в Галиции повоевать успел?

– Только частично. Меня же в армию только после начала войны призвали. Обучали, правда, недолго. Через какой-то месяц в эшелон погрузили и – вперед. А уже ранним утром 29 августа 1914 года наш батальон пополнения получил приказ в спешном порядке идти от Тарнополя к Львову. Дороги развезло от проливных дождей, а на горизонте ощутимо погромыхивало. Там всю разгоралась встречная Городокская баталия...

Потерпевшие поражение в сражении на Гнилой Липе и оставившие Львов, Галич и Станислав, австро-венгерские войска решили взять своеобразный реванш. Остановившись на рубеже реки Верещица, они форсированными темпами приводили себя в порядок, стягивая отовсюду подкрепления. Сложившаяся обстановка, казалось, благоволила подданным престарелого кайзера Франца-Иосифа. Перед их силами, насчитывавшими в общей сложности до семи пехотных корпусов, теперь находилась лишь одна русская 8-я армия (3-я двинулась на Раву-Русскую). Ободренные своим численным перевесом, австрийцы перешли в наступление

28 августа 1914 года. Однако и генерал Брусилов не любил отсиживаться в обороне и отдал приказ атаковать. К тому же его армия занимала случайные позиции и вряд ли смогла бы долго удерживать натиск противника. Завязалось упорное встречное сражение.

Первоначально австро-венгерские войска обрушились на правифланговый 12-й корпус, но то был не более чем отвлекающий маневр. Действительно, в скором времени вся тяжесть боя сместилась к центру и левому флангу 8-й армии. В таких условиях Брусилов принялся экстренно собирать все имевшиеся в его распоряжении резервы. В их число попали и два батальона новобранцев, среди которых и находился наш Степан Воинцев. Почти все вновь прибывшие части шли на усиление центра армии, поскольку из донесений воздушной разведки стало ясно, что именно сюда австрийцы переносят направление своего главного удара. Очевидно, они намеревались прорвать русские позиции и вновь овладеть Львовом. Брусилов решил упредить неприятеля, стянув сюда до восьмидесяти пяти батальонов пехоты. К тому же на рассвете 30 августа 7-му и 8-му армейским корпусам было опять приказано атаковать. Правда, продвинулись они ненамного, однако притянули к себе значительные силы противника.

Да и на всем фронте дела у австрийцев начали складываться далеко не лучшим образом. В тот же день их войска потерпели поражение еще и у Равы-Русской, где действовала русская 3-я армия генерала Рузского. Прорвать фронт Брусилова тоже не удалось. Поэтому вечером 30 августа австрийские генералы предприняли короткую атаку, под прикрытием которой и отошли за реку Верещицу, предусмотрительно разрушив за собой все переправы. В общем, боевое крещение у Степана удалось на славу! Главное, что закончилось оно победой русского оружия.

– Да, довелось тебе, братец, пороху понюхать, – уважительно подытожил рассказ Степана Амфитеатров. – И в Альпах, и в Карпатах. Домой-то, небось, охота?

– Не то слово!

– Ну, не горюй. Я постараюсь что-нибудь узнать. Хотя в военное время с возвращением пленных из Европы в Россию дело сложно обстоит. Особенно – для рядовых. Но чем черт не шутит!

Амфитеатров слов на ветер не бросал. У него действительно имелись кое-какие серьезные связи. Проживая сначала в Леванто, а затем в Риме, «Московский Фауст» организовал своеобразное зарубежное бюро влиятельной отечественной газеты «Русское слово», при помощи которого активно боролся с прогерманской агитацией и всячески подталкивал правящие круги Италии к вступлению в войну на стороне Антанты. Впрочем, те и сами этого откровенно хотели. Популярность Амфитеатрова была настолько велика, что он запросто телеграфировал великому князю Николаю Николаевичу в бытность того главнокомандующим русской армией! И получал обстоятельные ответы на свои вопросы. Чего уж тогда говорить о знакомстве с будущим президентом Чехословацкой Республики профессором Масариком! Или самим премьер-министром Италии Алессандро Саландрой!

3

«Московский Фауст» и впрямь замолвил словечко среди своих влиятельных знакомых в Риме. А тут еще и счастливая оказия подвернулась. Невольного Степанова собрата по оружию лейтенанта Пиньоли надумали откомандировать во французские альпийские части для своеобразного обмена опытом. Вот командование итальянской армии и решило отправить вместе с ним Воинцева. Все равно ведь дорога в Россию через Францию пролегает. А там пусть русский военный атташе граф Игнатъев с соотечественником и разбирается!

После Пограничного сражения и битвы на Марне стало окончательно ясно, что войну до «осеннего листопада» закончить так и не удастся. Начался знаменитый «бег к морю», когда немцы и противостоящие им французы с англичанами принялись постепенно смещать свои позиции к побережью в надежде охватить друг друга с флангов. Однако сделать это не получилось ни у одной из противоборствующих сторон. К 1915 году Западный фронт практически полностью стабилизировался. Непрерывная линия опутанных колючей проволокой траншей протянулась от Северного моря вплоть до самой границы Швейцарии.

В подобной обстановке командование союзных войск принялось настойчиво искать точки, пригодные для решительного взлома немецкой обороны. Среди прочих серьезно рассматривался и скалистый отрог Хартмансвиллеркопф в Вогезах, удачно доминировавший над долиной Рейна. Французы захватили его еще в августе 1914 года, во время своего безудержного наступления на Эльзас. Увы, но немцы оказались сильнее. Почти все первоначально занятые земли пришлось оставить. Хартмансвиллеркопф или «Старина Арман» – одно из немногих, что французской армии удалось удержать в руках. В течение 1915 года здесь периодически вспыхивали ожесточенные схватки с использованием егерей и альпийских стрелков, тем не менее не приведшие к серьезному изменению линии фронта. Ничтожное продвижение на какой-нибудь десяток метров щедро оплачивалось многими сотнями жизней. Недаром французы мрачно именовали Хартмансвиллеркопф, помимо стандартной аббревиатуры НК или НК, еще и «la mangeuse d'hommes» («пожирателем жизней»).

Очередной «решительный штурм» запланировали на вторую половину декабря. К этому времени в распоряжение Восточной группы армий генерала Дюбая и прибыли Пиньоли со Степаном. Естественно, обоим, прежде всего, интересовали батальоны альпийских стрелков. Таковых на данный момент здесь имелось всего два – 27-й и 28-й. Если честно, то никакой разницы Степан особо не заметил. В отличие от итальянцев, французы носили не шляпы с перьями, а береты, да широко использовали, в различных перевозках, привезенные из Канады собачьи упряжки. Ну и форму имели довольно необычного, светло-голубого цвета. А в остальном все одно и то же – «адриановские» каски, шипованные ботинки, карабины, альпенштоки.

Зато сами Вогезы, редко где переваливавшие за тысячу метров, Воинцева откровенно разочаровали. На их склонах виднелись жалкие остатки некогда густых еловых лесов – красноречивые свидетельства кипевших здесь ожесточенных боев. Степан вспомнил, как плакали итальянцы при виде непоправимого урона, которому подвергся заповедный лес Паневеджо в Доломитовых Альпах. А ведь по легенде тут бродил сам великий Страдивари, отбирая древесину для своих неповторимых шедевров! Зато теперь лес, способный подарить человечеству еще множество прекрасных музыкальных инструментов, безжалостно уничтожался массированным артиллерийским огнем. Та же история была и в Вогезах. Вместо стройных еловых стволов лишь кое-где возвышались безобразные ряды расщепленных пеньков и обрубков.

А мощь артиллерии все возрастала и возрастала. С ее помощью обе стороны старались преодолеть грозно замаячивший на горизонте тупик позиционной войны. Если в начале года во время Первого сражения в Шампани ураганным считался огонь скорострельных семидесятипятимиллиметровых пушек, то перед декабрьским наступлением на Хартмансвиллеркопф

французы стянули гораздо более крупные калибры. В их числе были и два трехсотсемидесятимиллиметровых монстра – мортиры-гаубицы концерна «Филло». Всего же по одному орудию приходилось на каждые тринадцать метров линии фронта! И это на второстепенном участке!

Французы были твердо уверены в успехе. И поначалу разразившееся в девять утра 21 декабря сражение полностью оправдало их ожидания. Сконцентрированный пятичасовой огневой шквал более чем трехсот орудий сделал свое дело. Передовые немецкие позиции оказались в буквальном смысле сметены, а их потрясенные защитники (кто еще оставался в живых) принялись откатываться назад. Перешедшие в 14.15 в наступление 27-й и 28-й батальоны альпийских стрелков почти без сопротивления захватывают Хирценштейн. Удача сопутствует и солдатам 152-го пехотного полка, сумевшим занять Рорбург и Грошерзорг. Однако их дальнейшее продвижение останавливают наступившие сумерки, отсутствие связи и собственные потери. Да и сопротивление немцев, принявшихся перебрасывать к месту прорыва все имеющиеся в наличии войска, многократно возросло. Тем не менее ночью в стане атакующих царил ликование.

– О-ля-ля! – кричали темпераментные французы. – Завтра мы их окончательно побьем!

– Да погодите вы! – пытался урезонить союзников не менее темпераментный, но уже имевший опыт горной войны Пиньоли. – Взять позицию противника еще не главное. Главное – удержать ее в руках!

Увы, но прав оказался именно лейтенант, а не отмахивавшиеся от него французы. Буквально на следующий день переброшенные из-под Мюлуза на поезде 40-й и 56-й ландверные полки вместе с 8-м резервным егерским батальоном стремительным ударом отвоевывают почти все утраченные накануне позиции. «Красные дьяволы», прозванные так из-за традиционных красных штанов прежней формы, оказались совершенно не готовы к столь быстрой ответной реакции. Их 152-й пехотный полк был окружен на вершине и практически полностью уничтожен. Единственным зримым результатом двухдневных боев стали новые горы трупов, густо усеявших заснеженные склоны Хартмасвиллеркопфа.

– Вот вам и «о-ля-ля!», – в бессильной ярости скрипнув зубами, пробормотал Пиньоли.

В отличие от лейтенанта, Степан в штабах подразделений чувствовал себя не очень уютно из-за обилия множества важных офицеров с большими звездами на погонах. Он, как и все рядовые солдаты, в соответствии с крепко усвоенной народной мудростью старался держаться от начальства подальше. Да и препятствовал языковой барьер. С простыми «пуалю» хоть жестами объясниться можно! Тем не менее почти сразу после прибытия в Вогезы Степан быстро нашел себе занятие по душе. Поплевав на ладони и вооружившись лопатой, он принял самое деятельное участие в обустройстве огневой позиции для одной из вышеупомянутых тяжелых гаубиц концерна «Филло». А дел там хватало. Для установки огромного лафета требовалось выкопать капонир в земле, частично гасивший чудовищную энергию отдачи, проложить узкоколейку для подвоза снарядов, установить лебедку и так далее. Поэтому помимо самих артиллеристов, в обслуге орудия было много и простых рабочих, резко выделявшихся на фоне военных своими сугубо штатскими пиджачками, кепками и жилетками. Вот к ним Степан и присоединился. Те сочувственно похлопывали русского товарища по плечу, во время редких перекуров протягивая ему бутерброды с сыром и оплетенные бутылки сухого красного вина. Степан никогда не был его особым поклонником, однако постепенно привык. Особенно после итальянского «кьянти»!

Оставался Степан у гаубицы и во время артиллерийской подготовки 21 декабря. Как и любой не избалованный техническими изысками человек, вчерашний крестьянин испытывал почти детский восторг при виде огромного, задранного почти вертикально орудийного жерла, методично изрыгавшего очередные окутанные дымом и пламенем пятьсот килограммов смертоносного груза. Об участи нещадно истребляемых немцев не хотелось думать. Более того,

Степаном владело совершенно искреннее мстительное чувство. «Это вам за Карпаты!» – при каждом залпе мысленно приговаривал он.

В общем, к работе артиллерии никаких претензий не возникло. Это пехота потом все «испортила». По крайней мере, так думали в вышестоящих штабах. Тем не менее наступательный дух французов после столь обидной неудачи отнюдь не угас. 28 декабря 12-й батальон альпийских стрелков атаковал Нижний Рехфельсен и занял его практически весь, за исключением небольшого участка, где в полном окружении оказались около тридцати немцев из 74-го пехотного полка. Капитулировать те отказались. На следующее утро, как и в прошлый раз, немецкие гвардейские егеря попытались деблокировать своих товарищей, но потерпели неудачу. В этот же день бесконечный мартиролог жертв «Старины Армана» пополнился и командиром французской 66-й пехотной дивизии генералом Марселем Серре. Потрясенный до глубины души картиной всеобщей смерти и разрушения, он, невзирая на град пуль и осколков, практически постоянно находился на передовых позициях. По крайней мере, у окружающих сложилось стойкое впечатление, что Серре явно искал смерти.

Накануне атаки на Нижний Рехфельсен, в 7 утра 27 сентября, он вновь посетил траншеи для того, чтобы лично поставить боевую задачу капитану Полю Мане. Затем генерал присел на ложемент окопа и, с грустью посмотрев на подчиненного, произнес: «Мой бедный мальчик!» Сердце Мане сжала неизъяснимая тревога. Вскочив на ноги, он с горячностью закричал: «Генерал, ваше место не здесь! Прошу вас, уходите! Немцы непрерывно атакуют. Не доставляйте им еще и радости от гибели командира 66-й дивизии!»

Серре только пожал плечами: «Бывают времена, мой друг, когда смерти только рады». Наконец, вняв настойчивым мольбам капитана, генерал скрылся в восстановленном ночью ходе сообщения, бросив напоследок: «Жизнь, как и война, – такая разочаровывающая штука». 29 декабря, во время немецкой контратаки на Нижний Рехфельсен, Марсель Серре был ранен в колено осколком снаряда. Невзирая на то, что на следующий день ногу экстренно ампутировали, спасти генерала не удалось. 6 января 1916 года он умер в госпитале от гангрены.

Два дня спустя закончилась и активная фаза боев за Хартмансвиллеркопф. Решительная контратака свежих немецких 188-го и 189-го пехотных полков свела на нет практически все предыдущие французские территориальные завоевания. Линия фронта в основном вновь вернулась к своим прошлогодним очертаниям.

4

Хлопоты же по возвращению Степана домой начались сразу после его приезда с фронта в Париж. Правда, поначалу русский военный атташе полковник Игнатьев совсем не воспылал желанием возиться с очередным, свалившимся словно снег на голову, военнопленным. Потому и предложил Степану пока поработать на химической фабрике «Аллэ и Камарг». Мол, все бежавшие из плена русские солдаты так делают. А если каждого из них в Россию отправлять, то, извините, никакого тоннажа не хватит! Однако Воинцев, чувствуя за плечами недвусмысленную поддержку итальянского представителя при французской Ставке полковника Монтанари, что называется, «уперся рогом». Отправляйте на Родину – и точка! И Игнатьев уступил.

Из Франции в Россию в условиях военного времени можно было попасть несколькими путями. Самый длинный, из них – почти кругосветное путешествие через Дальний Восток, не хотелось и рассматривать. Другой вел вокруг Скандинавии в Архангельск или Романов-на-Мурмане. И, наконец, третий пролегал по территории нейтральной Швеции вплоть до границы с Финляндией, тогда входившей в состав Российской империи. По нему частенько выезжали на Запад различные военные, дипломатические либо думские делегации. Решили отправить вокруг Балтийского моря и Степана.

Родина-матушка, вопреки всем ожиданиям, встретила своего блудного сына совсем неласково. Не было ни цветов, ни ковровой дорожки. Более того, вместо давно чаемого отпуска Степана прямиком направили в запасной полк. Да не в родной Воронеж или куда-нибудь поближе к дому, а аж в стоявший на самой Волге Царицын. Однако перед тем как отбыть к новому месту службы, Степан неожиданно очутился в эпицентре так до конца и не понятой им интриги. К 1916 году прежний офицерский корпус русской армии уже потерял свою былую монолитность. Все громче в нем стали звучать голоса своеобразных «младореформаторов», где тайно, а где и явно критиковавших пребывавших на высших постах «стариков» за косность мышления и дедовские методы руководства. При этом хорошим тоном в определенных кругах стали постоянные ссылки на западный опыт ведения войны. «Давно, давно пора и нашей армии перенять французские и британские методы, да, жаль, замшелые умы и темные силы этого не понимают», – притворно вздыхали мечтавшие о генеральских лампадах майоры и подполковники.

Для того чтобы добиться вожаемой цели, в ход шли разные способы. В том числе – и всевозможные комиссии, зачастую инспирированные не военным руководством, а представителями «прогрессивной общественности». Но ведь откуда-то им становилось известно о многих болевых точках действующей армии. И вот тут, очевидно, не обходилось без добровольной помощи «младореформаторов». Иначе откуда в таком случае в прессе периодически муссировались вроде бы секретные сведения о численном составе некоторых частей? Как, например, в случае с 77-й пехотной дивизией, потерявшей с начала войны уже 72 тысячи человек! Возможно, в других соединениях дело обстояло не лучше, однако именно эта информация попала на страницы газет. Оттого в 77-ю дивизию и отправилась очередная комиссия для выяснения столь больших потерь.

Нежданно-негаданно включили в нее и Степана. Тут, скорее всего, «младореформаторы» просто не разобрались. В спешке они приняли Воинцева едва ли не за полноправного представителя итальянской армии, каковым тот, естественно, не являлся. Конечно, в ходе поездки недоразумение быстро прояснилось, но было уже поздно. Да и сам прикомандированный к делегации Степан чувствовал себя откровенно неуютно рядом с «господами» и потому старался все время держаться поближе к денщикам.

В расположение дивизии прибыли 23 марта 1916 года, через Лунинец и Сарны. Ее 308-й пехотный Чебоксарский полк стоял в это время на реке Стырь. Причем штаб и тыловые

подразделения находились по одну ее сторону, а передовые части – по другую. Для переправы с берега на берег приспособили давно взорванный железнодорожный мост, между опорами которого саперы настелили временный настил. От станции до расположения полка можно было добраться на дрезине, чем визитеры и воспользовались.

Вообще, в тот день в землянке полковника Василия Ивановича Глыбовского собралась весьма разношерстная компания. Когда столичные гости вошли внутрь, то там уже сидели полковой батюшка, а также два брата милосердия со стоявшей на станции санитарной летучки, немало удивившие Степана своими необычными серебряными погонами. В армии прежде он отродясь такого не видел. Один из медбратьев – худощавый юноша с кудрявым чубом, представившийся Дмитрием Фурмановым, даже находился в звании прапорщика. Только не армейского, конечно, а «земгоровского». То есть состоявшего на службе в объединенном «Союзе земств и городов» (сокращенно – «Земгор»).

Между тем батюшка, а вслед за ним и остальные визитеры принялись уговаривать полковника разрешить им посетить непосредственно окопы.

– Так ведь опасно. Там постреливают. Как бы греха не случилось, – попытался урезонить их Глыбовский.

– Да ведь на всю жизнь, господин полковник, на всю жизнь. Больно охота посмотреть, – не сдавался священник.

– Ну, если вы уж такой храбрый – что ж, пойдемте. Только разделиться надо, господа. Кучей не надо идти. Лучше – по двое.

Окопы представляли собой подлинный лабиринт, сырой и прохладный. Даже Степану они были в диковинку, поскольку доселе столь наглядного проявления позиционной войны он не видел. Инженерная мысль не стояла на месте, постоянно придумывая все новые и новые виды маскировки. С фронта огневые точки прикрывались деревянными заслонами, сделанными в несколько рядов, промежутки между которыми засыпались грунтом. Снаружи все это сооружение искусно обкладывалось дерном, чтобы создать у неприятеля полное впечатление обычного зеленого холма. Для наблюдения и ведения огня оставались лишь небольшие, тщательно замаскированные амбразуры. Такими же заслонами в ряде мест сверху перекрывались и сами траншеи.

Для несущих боевое охранение солдат в стенках окопов откапывались укрытия, где те могли отдохнуть прямо на брошенной на землю соломе. Каждая такая примитивная землянка вмещала по шесть человек. Перед гостями фронтовики не преминули похвалиться недавно захваченным во время вылазки немецким пулеметом – новым и делавшим до 420 выстрелов в минуту. Хватало и иных впечатлений. Батюшка, например, неумоимо собирал осколки снарядов, гильзы, шрапнельные стаканы, то и дело приговаривая, что это теперь ему «на всю жизнь, на всю жизнь». Фурманов же тем временем разговорился со Степаном. Он, как видно, тянулся к нижним чинам.

– Ну а ты, братец, чего здесь делаешь? Среди офицеров-то? Я поначалу тебя за денщика принял, а потом понял, что ошибся.

– Да я и сам не знаю, ваше благородие, чего меня сюда потянули. Только недавно на землю родную вернулся. Сначала в полоне австрийском был, затем у союзников обретался. Думал, хоть на побывку домой отпустят, а тут вишь какая незадача.

– Что ж, с отпусками сейчас действительно проблема. Их больше ловкачам каким-нибудь дают, чем честным солдатам. Одному вон ухарю пришла телеграмма, будто отец его при смерти лежит. Ну и отпустили. Как не пустить-то? Чай, все мы люди. А потом выяснилось, что и отца у того уже лет двенадцать как в живых нет. Начальство веру в людей и потеряло. Вот так из-за одного подлеца отпуска по семейным причинам больше никому не дают.

– Беда. Так я, вить, не по семейным обстоятельствам. Слыхал, будто по возвращении из полона побывку должны давать.

– Тут я ничего не могу тебе сказать. Может и дадут.

– Будем ждать. А еще у меня вопрос к вам, ваше благородие. Что это за форма на вас такая чудная? Никогда прежде не видел.

– Это, братец, форма земского союза. Неумные люди нас еще «земгусарами» называют. Хотя, с другой стороны, я и сам все чаще убеждаюсь, что первоначальный благородный порыв давно, к сожалению, выродился во что-то иное. Не скажу за всех, но многих в первые дни войны влекла в союзы именно идея. Хотелось, презрев опасности, помогать ближнему своему. Поэтому люди и шли на труды и лишения. Конечно, хватало здесь и просто экзальтированной молодежи, поддавшейся единому патриотическому порыву. Они, пожалуй, и отсеялись быстрее всех. Выяснилось, что никакой особой романтики на войне нет, а есть грязь, кровь, человеческие страдания. Да и не всегда, положи руку на сердце, санитарные поезда и отряды находились в работе. В период затишья на фронте и они вынужденно были в простое. Это тоже расхолаживало людей. Плюс ко всему за неимением раненых тогда приходилось иметь дело с больными, в том числе и венерическими. Приятного, согласитесь, мало. Вот и побежали из отрядов первые неустойчивые.

А на смену им уже шли другие, правда, движимые совершенно иными целями. Когда первоначальный патриотический угар схлынул, выяснилось, что войну «до осеннего листопада» окончить не удастся. Более того, она приобрела поистине мировые масштабы и требовала все больше и больше людей. Союз же давал прекрасную возможность от передовой увильнуть. Причем на вполне законных обстоятельствах. Сам был живым свидетелем тому, как в санитары-добровольцы, по ходатайству сверху, зачислялись совершенно случайные люди. Единственная их ценность заключалась в том, что они являлись чьими-то родственниками или хорошими знакомыми. Разумеется, пользы от подобных работников не было совершенно никакой. Зато они преспокойно сидели вдали от фронта, занимая чье-то место, да еще и получая неплохие оклады.

Это, кстати говоря, еще один наш бич. Получаемое по субсидии высокое денежное содержание совершенно развратило и земский, и городской союзы. Многие из тех, кто поначалу не брал ни единой копейки, теперь спокойно кладут в карман сотни рублей. Да еще и заявляют при этом, будто получают не жалованье, а суточные, поскольку не служат, а «работают». Разумеется – с благородными целями! Куда ж без них. Помню, как в начале войны, во время службы в 209-м санитарном поезде на Кавказском фронте, был буквально шокирован, узнав, что обед там состоял из трех перемен блюд. И это в годину бедствий! Когда же мы с другими санитарами, указав на подобное несоответствие, призвали малость поумерить аппетиты, то нас и слушать никто не стал. Свое брюхо, чай, дороже! Не на кровные же пировали. «Так положено», – вот и весь ответ.

Немало вредят делу и всевозможные склоки и дразги. Несмотря на то что еще в 1915 году земский и городской союзы объединили в одну организацию, подлинного единства между нами до сих пор не наблюдается. Фигурально выражаясь, каждый кулик по-прежнему свое болото хвалит. Для земцев все земское хорошо, а городское плохо. И наоборот. Почему так получается, я не знаю. Подобное соперничество, видно, с самого начала идет. Я и сам, признаюсь, с предубеждением относился к городским организациям. Хотя ничего отрицательного об их работе и не слышал. Вот так и выходит, что дело делаем одно, но как-то порознь.

Да что говорить о горожанах, когда и среди самих земцев явное разделение имеется. Гребенщиков вон на каждом углу восхваляет героизм и самоотверженность сибирских отрядов. Мол, сибиряки и отстают последние, и работают лучше, да и вообще больше всех радеют за Россию. Слушать это неприятно. Как будто все остальные только и делают, что щи лаптем хлебают!

А откровенные интриги? Сколько на моей памяти было случаев, когда только-только назначенный новый начальник, то ли от гипертрофированного самомнения, то ли от откровен-

ной глупости, сразу ломал налаженный порядок работы коллектива. Причем даже не давая себе труда ознакомиться с местными условиями. На все вопросы следовали стереотипные ответы, типа: «Я здесь начальник (начальница)», «Я так решил (решила)», «Слово мое – камень» – и так далее. Зато эти люди громче всех рассуждают о земстве, хвалят его, будто новые ботинки, на деле же внося разлад и сомнения. Сами видите, в каких условиях нам порой приходится работать!

– Да, тяжельно, – выслушав этот крик души, покачал головой Степан. – Дурость, она везде все портит.

– Послушайте, милейший, а вы часом не меннонит¹? – неожиданно перескочил на новую тему Фурманов.

– Кто? Я?

– Да.

– Нет. Бог миловал. Православный!

– Жаль. У нас, в поездах, они считаются лучшими работниками. Все грамотные, услужливые и надежные. Уж если меннониту что поручил, то будь уверен – непременно сделает. Причем хорошо и молча.

– Так им же оружие запрещено в руки брать. А я, почитай, с первых дней войны призванный.

– Да, незадача. А я было подумал, нельзя ли тебя, братец, к нашему делу пристроить.

– Благодарю покорно, ваше благородие. Только вряд ли военное ведомство меня сейчас отпустит...

Степан угадал. Когда «младореформаторы» убедились, что вернувшийся из-за границы солдат никакой ценности для них не представляет, то к нему резко потеряли интерес. И направили, как и первоначально планировалось, к новому месту службы.

¹ Меннониты – одна из протестантских сект, получившая название от своего основателя, Симониса Меннона.

5

В Царицыне Воинцев в первый раз и увидел Хлебникова. Конечно, тогда Степан еще не знал, что перед ним знаменитый поэт, а также, по совместительству, «Председатель Земного шара» и прочая, и прочая. Просто из окружающей толпы солдат 93-го запасного пехотного полка ратник ополчения II разряда Виктор Хлебников выделялся как высоким ростом, так и несколько отстраненным выражением лица человека «не от мира сего». Словно погруженного в какие-то свои, глубоко сокровенные мысли. Ну и совершенно нестроевым видом, разумеется. Он не мог никак приноровиться шагать в ногу, постоянно путался в командах и, что самое страшное с точки зрения вышестоящего начальства, периодически забывал отдавать честь. А за это полагалась незамедлительная гауптвахта. Не шибко складывались отношения у поэта и с товарищами по казарме. Будь Хлебников помладше, то его в полку, несомненно бы, затравили. А так – просто относились как к своеобразному юродивому.

Потому неудивительно, что поэт с видимым воодушевлением воспринял появление человека, только недавно вернувшегося из-за границы. Пускай и не шибко грамотного и в делах искусства почти ничего не смыслившего. Соответственно, ни о какой тесной дружбе между ними не могло идти и речи. Хлебников, невзирая на свалившиеся на его голову армейские злоключения, все равно держался несколько свысока. Он вполне заслуженно считал себя гением и человеком, добившимся в жизни чего-то. Пусть это «что-то» и ограничивалось участием в коллективных полулюбительских сборниках, издававшихся ничтожным тиражом. Это, впрочем, совсем не мешало Степану относиться к поэту с известной долей благоговения. Ведь тот был «барином», да еще и «образованным»! Одно титулование чего стоит! «Король времени Велимир I»! Не абы кто!

Хлебников же искренне считал, что солдатчина способна попросту убить в нем поэта. И это в те дни, когда загадка «законов времени», казалось, приблизилась к полному своему разрешению! За неимением иных собеседников заросший бородой мечтатель щедро делился своими выкладками и идеями со Степаном.

– Виктор Владимирович, – однажды робко спросил тот, – а каким оно будет, наше будущее?

– Конечно, прекрасным! – экспансивно воскликнул поэт. – Все, буквально все должно измениться! Ведь научно-технический прогресс открывает перед нами широчайшие возможности! Возьмем, к примеру, архитектуру. Неужели мы и дальше будем жить в спрессованных в пределах улиц и, словно слитых воедино, домах-крысятниках?! Разумеется, нет! Развитие новых технологий приведет к тому, что каждый сможет выбирать себе жилье по собственному вкусу. Представь, только – дом-качели!

– Как это?

– Очень просто! Берется домик и подвешивается на тросах меж двух опор! И плавно раскачивается, в такт дуновению ветра!

– Интересная идея. А мутить, извиняюсь, не будет?

– Ну... – Хлебников на мгновение задумался. – Ну, это же не для всех! Для моряков там или мыслителей. Да и вообще, дом будущего скорее будет напоминать железный остов. Или каркас, к креплениям которого станут прикрепляться передвижные стеклянные домики-каюты. Человечество таким образом полностью удовлетворит свою страсть к путешествиям. И ездить по белу свету ты будешь не сам, лично, а вместе с собственным жильем! Особенно если каюты эти сумеют сделать летающими. Тут и вовсе горя мало! Надоело тебе, например, в Москве – так не беда! Отстыковался от своего места в общем доме-каркасе и лети, себе, положим, в Амстердам. Или в Рим. А там тебя уже ждут.

– Звучит, конечно, прекрасно, но осуществимо ли на практике? Как в той же Италии смогут узнать о моем прибытии?

– Ну, это и вовсе проще простого! Не забывай, дорогой друг, о современных технологиях! При полете к любому выбранному городу связываешься по радио с местным регулировщиком или диспетчером и сообщаем о своем желании временно пожить у них. А тот, в свою очередь, указывает тебе номер башни со свободным местом. И все! Спокойно пристыковываешься и гостишь, сколько душа пожелает. Радио – это вообще великая вещь. И в будущем, судя по всему, роль его будет исключительно велика. Передача новостей со всего мира, мгновенная связь между людьми, живущими на разных континентах, передача изображения по радиоволнам, да мало ли еще что. Даже дух захватывает...

Суровая действительность, впрочем, иногда властно вторгалась во все эти прекраснодушные мечтания. Спустя неделю после этого разговора Хлебников загремел в лазарет. А еще через несколько дней в расположении полка появился молодой человек, разыскивавший поэта. Степан в это время вместе с остальными солдатами участвовал в обычном воскресном параде, проходя строем по расположенному в двух верстах от города импровизированному плацу, и о случившемся узнал не сразу. Приезжего звали Дмитрием Петровским. Это был один из прежних друзей Хлебникова, специально приехавший в Царицын. Отыскав, наконец, поэта в лазарете, он сразу же увел того в город. Там, на трамвайной остановке, обоим посчастливилось встретить еще и архитектора и художника-новатора Владимира Татлина. И тут же, не сговариваясь, экзотическая троика договорилась прочесть совместную лекцию в местном «Доме науки и искусств». Все хлопоты по ее устройству взял на себя Петровский. Однако командование полка, и так косо смотревшее на чудачества Хлебникова, наотрез отказалось отпустить того на выступление, посвященное собственному творчеству. Пришлось «королю времени» прибегнуть к банальнейшей самоволке. Впрочем, для того, чтобы «не дразнить гусей», договорились, что основную часть лекции будет вести Петровский, а Хлебников при нужде станет подсказывать из-за кулис. Но подобная конспирация, разумеется, никого не могла привести в заблуждение. Присланные из полка фельдфебели и унтер-офицеры прекрасно знали, где следует ловить сбежавшего поэта.

Лекция, в привычно вызывающем футуристическом стиле называвшаяся «Чугунные крылья», состоялась 25 мая 1916 года. Арендованный под выступление зал был практически пуст. Внутри сидели лишь полковые шпионы, намеревавшиеся прихватить Хлебникова, что называется, на месте преступления, да несколько местных городских сумасшедших. Да и впрямь, о каком футуризме могла идти речь, если всего три года назад солдаты тогда расквартированного в Царицыне 187-го Аварского пехотного полка после мытья в бане стали развешивать свое выстиранное белье прямо на оголенные электрические провода?! Двоих убило током. Сразу же после этого по всему городу прошли манифестации с красноречивым лозунгом «Долой электричество!» А вы о каком-то там будущем...

Пошел на лекцию и Степан. Причем, в отличие от прочих, по личному приглашению Хлебникова. Да и увольнительная весьма кстати подвернулась.

Открывший выступление Дмитрий Петровский сразу начал говорить о вещах поистине невероятных:

– Все мы сейчас без преувеличения находимся на пороге величайшего открытия в истории человечества! Впервые появилась возможность постичь законы такого, казалось бы, неуловимого процесса, как время. Да, да, не смейтесь. Именно так. Согласно вычислениям, опубликованным выдающимся пророком современности, поэтом, мыслителем и математиком Велимиром Хлебниковым в его труде «Время – мера мира», течение времени, как видно из названия, тоже подчиняется определенным числовым закономерностям. На данный момент открыто лишь несколько основополагающих чисел, и мы, по сути, находимся еще только в

самом начале пути. Тем не менее даже предварительные наброски способны дать поистине потрясающие результаты. Судите сами.

Первым в этом ряду по праву стоит число 365, или «год богов». Почему – объяснять, думаю, не стоит. А вот вторым по значимости в изучении законов времени следует признать число 48. История его возникновения пока до конца не выяснена, но важность не вызывает никаких сомнений. Ведь именно путем отнимания 48 от 365 было получено третье эпохальное число – 317. Его еще можно назвать «колебательными волнами». Именно оперируя числом 317 и его производными, наш гениальный современник Хлебников заложил первый кирпич в основу изучения и упорядочения единого закона времени. Не верите? А зря. Приведу лишь несколько примеров из общеизвестных фактов мировой истории. В 665 и 31 годах до нашей эры соответственно Египет покорили ассирийский царь Ашшурбанипал и Юлий Цезарь. Но эти события отстоят друг от друга на 634 года, или ровно на 317, умноженное на 2! Идем далее. Великий поход Наполеона в Россию состоялся спустя 951 год после набега варягов на Царьград, тоже, кстати говоря, окончившегося неудачей. Но число 951 есть не что иное, как 317, умноженное на 3...

И так далее, в том же духе. Впрочем, иногда Петровского, а вернее Хлебникова, чей свистящий шепот отчетливо доносился из-за кулис, откровенно заносило. Среди его многочисленных цифровых выкладок встречались, например, и такие: «В 1911 году в Швеции было 317, помноженное на 95, финнов и норвежцев»! В завершение вечера пару слов о своем творчестве, а также законах «формы и веса» сказал и Владимир Татлин. В целом лекция прошла достаточно ровно, однако без некоторого конфуза обойтись все же не удалось. Когда по окончании выступления был поднят занавес, чтобы Петровский и Татлин смогли пройти за кулисы, перед зрителями во всей красе предстал не успевший спрятаться Хлебников. Таким образом, к длинному списку его дисциплинарных проступков автоматически прибавился еще один.

В полной мере осознав это, «король времени» решил махнуть на все рукой и, вместо явки с повинной в полк, продолжить вечер в гостинице, где остановился Петровский. И так ведь: «Семь бед – один ответ»! Помимо его и хозяина, туда же отправились и Татлин со Степаном, купив по пути чайной колбасы, ситного хлеба и дешевого красного вина.

Войдя в скромно обставленный номер, Хлебников снял фуражку и задумчиво произнес:

– Да, только в таких местах я и чувствую себя по-настоящему свободным.словно путешественник, приехавший в незнакомый город. Гостиница помогает сохранить иллюзию утраченной свободы. Вот так посидишь здесь – и поневоле забудешь, что утром тебя опять ожидает казарма с ее потоками ругани и кулачной учебы. А вообще, если честно, никакого будущего для себя в армии я не вижу. Ну разве что мне дадут какую-нибудь очень интересную службу. К примеру, на воздушном корабле «Илья Муромец». О подвигах наших авиаторов так увлекательно пишут! Да и, по-моему, будущее именно за покорением неба!

– Вполне возможно. Но не в такой форме, как сейчас, – покачал головой Татлин – подобно Хлебникову, человек громадного роста со светлыми волосами и простым выражением лица. – Слишком уж нынешние аэропланы смахивают на тупиковый путь развития воздухоплавания.

– Почему?

– Ну посуди сам, Велимир. Что в современных «фарманах» и «моранах» от птиц? Да ровным счетом ничего! Обшивка жесткая, а у птиц, напротив, оперение мягкое, пластичное. Оттого они и могут парить часами, практически не затрачивая усилий! Вот я и хочу, основываясь на их анатомии, создать совершенно новый летательный аппарат. Легкий и гибкий, человек в котором не будет праздно сидеть в кожаном кресле, а располагаться лежа, подобно пловцу. И управлять руками и ногами!

– Хм, а какой же двигатель будет стоять на вашем аппарате? – наконец отважился подать голос Степан, целиком захваченный разворачивавшейся перед ним новой грандиозной мечтой.

– Ясное дело, что не бензиновый! Я полагаю, что педального привода, при всей легкости конструкции, будет более чем достаточно! Типа как на велосипедах. И летать на нем следует учить сразу с восьмилетнего возраста. Словно птенцов ставить детей, так сказать, «на крыло»! Пусть привыкают! Вот когда у каждого будет свой собственный летательный аппарат, тогда мы и придем к светлому будущему!

– Полностью с тобой согласен, Володя! – незаметно подмигнул остальным Хлебников. – А как же ты планируешь назвать свой чудо-аппарат?

– Как? Ну хотя бы «летатлин»!

– Звучит оригинально. Это, получается, производное от слова «летать» и твоей фамилии?

– Получается, так, – скромно потупился художник.

– Хвалю. Жаль только, что ни одного экземпляра «летатлина» пока не построено. Придется проситься на «Илью Муромца»...

Разговор этот имел весьма необычные последствия. Отсидев в очередной раз на гауптвахте, Хлебников подбил Степана составить ему компанию в написании рапорта о переводе в эскадру тяжелых бомбардировщиков. Получив его, командир полка чуть не лишился рассудка:

– Да они что, шутки шутить вздумали?! – задыхаясь от душившего его гнева, воскликнул тот. – Хороши авиаторы, ничего не скажешь! Один толком в ногу до сих пор ходить не научился, другой тоже хорош с его церковно-приходской школой! И они еще о нашей гордости – эскадре «Муромцев» – заикаются! Ничего себе! Да надо мной вся армия смеяться будет, если я таких клоунов туда направлю! Нет, нет и еще раз – нет!

Хлебников, впрочем, если честно, на иной ответ и не рассчитывал. Поэтому он, параллельно с неудачной попыткой завербоваться в авиацию, обратился к своему другу и соратнику по футуристическому движению Николаю Ивановичу Кульбину, имевшему приравнившийся к генеральскому чин действительного статского советника, с просьбой о признании себя невменяемым. И тот незамедлительно начал действовать. В конечном итоге у поэта и впрямь обнаружили «состояние психики, которое никоим образом не признается врачами нормальным», и направили для дополнительного обследования в земскую больницу в Астрахань. А Степан, с очередным маршевым пополнением, отправился на фронт...

6

Единственное, в чем порадели бывалому солдату в Царицынском воинском присутствии, заключалось в том, что приписали его к 26-му Могилевскому пехотному полку, входившему в состав «родной» 7-й пехотной дивизии, в мирное время дислоцировавшейся в Воронеже. Правда, перебрасывалась она на усиление другой армии – 11-й, но это было не суть важно, поскольку прежний командующий 8-й армии генерал Алексей Алексеевич Брусилов тоже пошел на повышение и сейчас возглавлял весь Юго-Западный фронт. Так что воевать Степану предстояло в практически тех же самых местах, что и полтора года назад, да и к тому же с хорошо знакомым начальством. Вот только время было иным.

Едва попав в действующую армию, Степан начал замечать первые признаки растущего недовольства, пока еще, правда, тлеющего под спудом. Нижние чины откровенно устали от войны. Да и в качественном составе войска заметно изменились. Если в прежнее время на службу призывали только после строжайшего отбора, то сейчас гребли практически всех. За исключением, разумеется, откровенных инвалидов. Ну и тех, у кого хватало денег и связей для того, чтобы откупиться от передовой. Не в лучшую сторону изменилось и продовольственное снабжение. О щедрых пайках первого периода войны теперь вспоминали с умилением. Шутка ли, по тогдашним нормам только на одного солдата действующей армии полагалось три фунта хлеба, фунт мяса и полфунта сала. Вот уж действительно, есть не хочу! В шестнадцатом году о подобном изобилии можно было только мечтать. Лишь по большим праздникам серьезно урезанная порция мяса поднималась до привычной фунтовой нормы. Иногда к ней прибавлялись еще и фунт подсолнечных семечек, одна селедка и полуфунтовая белая булка.

Другим откровением для вернувшегося из чужих краев Степана стало то, что стране так и не удалось достичь полного единения, необходимого для окончательной победы над врагом. И немалая доля вины в этом лежала на правящей династии. Царь так и не отважился ввести во всей империи военное положение. И результат не заставил себя ждать. Армия на передовой истекала кровью, в то время как в тылу практически беспрепятственно работали рестораны, кафе-шантаны и прочие увеселительные заведения. Гремела музыка, и лишь шампанское, по причине сухого закона, заменялось разносимым в чайниках спиртом. В карты и рулетку спускались огромные состояния, нажитые на военных поставках. С трибуны, превратившейся в настоящее гнездо оппозиционеров Государственной думы, постоянно неслись антиправительственные лозунги. А власть ничего не могла поделать! Царь Николай честно старался угодить всем, почти не прибегая к репрессивным мерам. Но подобная примиренческая позиция только разжигала страсти в обществе. Люди день ото дня все больше и больше убеждались в слабости и откровенном бессилии верховной власти. Россия стремительно скатывалась в пучину анархии.

Прибавьте к этому еще и практически полную вседозволенность отечественной прессы. Во многих газетах чуть ли не открытым текстом писалось о бездарных генералах и прямой измене, свившей себе прочное гнездо у трона империи Романовых. Будто бы всеми делами там управляет не безвольный царь, а немка-царица в компании с разудалым хлыстом Гришкой Распутиным, около которых так и вьются многочисленные иностранные шпионы. Мокнувшие в окопах и бросаемые в бесплодные кровопролитные атаки простые солдаты внимательно слушали подобные сплетни. В бой идти они пока не отказывались. Но только – пока.

Согласно плану предстоящего наступления, 11-й армии генерала от кавалерии Сахарова отводилась вспомогательная роль. Ближайшей целью ей ставились прорыв линии неприятельской обороны и овладение городом Броды. Задачи всей 7-й пехотной дивизии и 26-го Могилевского пехотного полка в отдельности, естественно, были скромнее. К утру 3 июля 1916 года он занимал позиции в районе населенных пунктов Безымянный поселок и Злочевка, готовясь решительным ударом опрокинуть австрийцев и выйти к переправам на реке Липа. Однако в

первый день наступления сделать это не удалось. Противник держался крепко, раз за разом отбивая все попытки прорвать его укрепления. Зато несомненный успех обозначился на другом участке фронта. Соседи справа – Екатеринбургский и Томский полки 10-й пехотной дивизии – сумели ворваться в австрийские окопы и взять много пленных. Выполнили поставленную перед ними задачу и 8-й армейский и 5-й Сибирский корпуса, в связи с чем противник повсеместно начал откатываться назад. Преследуя его, части 7-й пехотной дивизии вышли на северный берег реки Липа в районе деревни Голятин Дольний. Форсировать ее, впрочем, с ходу не удалось. Австрийская 46-я пехотная дивизия еще сохраняла способность к сопротивлению. Да и заранее подготовленная хорошо укрепленная вторая линия обороны немало ей в том способствовала. Поэтому и последующие бои отличались крайним ожесточением.

Степану особенно запомнилось отражение неожиданной австрийской контратаки в лесу возле деревни Голятин Горный. Тогда реальная угроза захвата нависла над орудиями приданной дивизии 7-й артиллерийской бригады. Цепи одетой в синие шинели неприятельской пехоты подходили все ближе, осыпая ездовых и заряжающих целым градом винтовочных и пулеметных пуль. И если бы не самоотверженность уцелевших артиллерийских номеров, сумевших в сумятице и неразберихе запрячь упирающихся и храпящих лошадей и вывезти орудия в тыл, то батарея наверняка была бы захвачена врагом.

Вообще, австрийцы превратили окрестности деревень Голятин Горный и Голятин Дольний в сильный укрепленный район. Взять его с наскока не удалось. Пришлось перегруппироваться и как следует подготовиться, после чего 8 июля начался решающий штурм. Сначала под покровом тьмы полковые саперы проделали проходы в проволочных заграждениях. Впрочем, близко подбираться к неприятельским окопам они не стали, дабы раньше срока не растревосить осиное гнездо. Оставшуюся колючую проволоку уже при свете дня смели огнем из легких артиллерийских орудий и одновременным подрывом заблаговременно заложенных пироксилиновых зарядов и мин системы Семенова. Затем в дело вступила матушка-пехота.

Выскочив по сигналу ротного из окопа, Степан, крепко сжимая винтовку с примкнутым штыком в руках, широкими шагами помчался вперед, стараясь ненароком не запутаться в беспорядочном хаосе разрушенных проволочных заграждений. Справа и слева от него мчались другие солдаты, оглашая окрестности громогласным «Ура!». Со стороны австрийских позиций по ним заволокло затакал пулемет, однако русский порыв было уже не остановить. В мгновение ока, долетев до вражеского бруствера, Степан соскочил внутрь и пошел работать, где штыком, где прикладом. Но недолго. Ошеломленные австрийцы, поняв, что дело проиграно, скоро начали поднимать руки и массово сдаваться в плен. Тут-то Степан и опять пригодился. Причем с совершенно неожиданной стороны.

– Воинцев! – подозвал его командир роты поручик Войцеховский. – Ты же, кажись, хохол?

– Так точно! Только – донской.

– Ну, это неважно. Иди сюда. Пленных надо допросить. А то я вашу мову хохлячью совсем не разговляю!

– А они что – русины?

– Похоже на то. А может, гуцулы. Не знаю, короче говоря. Сам разберешься.

Козырнув, Степан повесил винтовку на плечо и подошел к группе смуглолицых и черно-усых австрийских пленных, почтительно снявших свои кепи перед Войцеховским.

– Здоровеньки булы! Откуда будете?

– С Голятина мы! – обрадованно откликнулся один из них, слышав родную речь.

– Местные, что ли?

– Ни. С Закарпатъя. Козак я.

– Что ты несешь?! Какой еще, к такой-то матери, казак?!

– Самый натуральный. Фамилие у меня такое. Василь Козак. А то – Козак Федир. Пидбережний, по-уличному. Есть еще и Иван. Биличак.

– Тю! А что ж вы с нами воюете?

– А вы что?

«Н-да, – продолжая допрос, про себя подумал Степан. – Вот уж действительно – Николай с Вильгельмом поругались, а мы стали виноваты».

Невзирая на успешно развивавшееся наступление, простым солдатам и впрямь порядком надоела кажущаяся бессмысленной война. Их дом был за тридевять земель отсюда, поэтому и умирать за считавшиеся номинально своими польские и прибалтийские земли никому откровенно не хотелось. Вот если бы враг попер на саму Россию-матушку, тогда – да, другое дело. Оттого и родилась в окопах чрезвычайно популярная присказка: «До Курска (или Тамбова) немец, чай, не дойдет!» В придачу к подобным мыслям примешивались и устойчиво ходившие слухи об измене в высших кругах. Недаром в одной из солдатских песен прямо говорилось: «И никто не догадался, что полковнику сказать, и ему б на место немца кусок зеркала послать. Пусть смотрел бы черны усы и о зеркале мечтал: в нем наверно он бы скоро, скоро немца увидал». Или вот еще: «Когда продали Варшаву, там был немец-генерал. Он набил карман деньгами и непроставшись удрал». Судите сами, можно ли с таким настроением выиграть войну?

Другим известием, порядком разозлившим рядовых окопников, стало решение какого-то умника временно отменить очередные отпуска на фронте. Об этом с возмущением говорили все без исключения нижние чины. Казалось бы – чего проще! Дайте солдату возможность почаще отдыхать в кругу семьи! Ведь именно обещанием отпусков и строгой очередности пребывания в тылу и на передовой новый французский главнокомандующий Филипп-Анри Петен сумел успокоить свою армию после мятежей семнадцатого года. Но нет. У нас и тут решили пойти другим путем. Мол, в тылу солдаты могут разложиться и привезти в окопы революционную заразу. Так зачем давать отпуска? Пусть уж лучше остаются на фронте. В конечном итоге армия разложилась прямо на передовой. И еще неизвестно, что было хуже.

Что до остального, то приняли Степана в полку хорошо. Да и в условиях постоянной текучки, обусловленной всепоглощающей войной, о какой-либо кастовости, присущей прежней армии, быстро позабыли. Все прибывающие новобранцы были, что называется, на одно лицо. Потолкавшись среди солдатской массы, они быстро привыкали к таким приметам окопного бытия, как сырые шинели, разбитые сапоги и неперменные вши, прозванные одним метким острословом «внутренними врагами». Дальнейшее зависело только от личных качеств.

Ближе к осени серьезно продвинувшаяся вперед линия фронта опять стабилизировалась. Солдаты в который уж раз зарывались в землю на новых позициях, строили блиндажи, рассчитали сектора обстрелов, натягивали колючую проволоку. Противник особой активности тоже не проявлял. Случались иногда ленивые перестрелки да регулярные ночные поиски разведчиков. Сначала перед дивизией стояли австрийцы, потом их сменили немцы. Лишь однажды, после летних боев, Степан и его товарищи попали в достаточно серьезный переплет. Отряженные для взятия «языка» охотники соседнего 25-го Смоленского пехотного полка на нейтральной полосе неожиданно столкнулись с немецкими разведчиками. В темноте не разобрались, выстрелили раз-другой, швырнули гранаты, и пошло-поехало. В штаб артиллерийской бригады полетело тревожное донесение: «Противник наступает на участке 3-й роты!» Оттуда последовал приказ немедленно поддержать пехоту огнем из всех орудий. Ну а поскольку вероятные цели были давно пристреляны, то помехой скоротечному бою не стала и ночная тьма.

Германская артиллерия тоже не заставила себя ждать, и вскоре сонный лес заполнился гулким грохотом вражеских разрывов. Пронзительно пела шрапнель, вонзаясь в стволы деревьев. Лишь по счастливой случайности никто из находившихся там не пострадал. Но тут прошел слух о возможном применении противником, наряду с обычными, еще и химических снарядов. А это было уже гораздо серьезнее. Степан, у которого при одном только воспоминании

о «Выступе Мартини» сразу запершило в горле, спешно проверил собственный противогаз и вместе с остальными товарищами приготовился поджечь заблаговременно приготовленный хворост. При прохождении газового облака горячий воздух от разведенных костров поднимал ядовитую пелену над землей, что позволяло солдатам оставаться вне зоны поражения. Ездовые же тем временем отводили в тыл обозных лошадей, надев им на морды смоченные в воде торбы. Вот вам и русская смекалка!

– Сейчас хоть маски ничего пошли, – невнятно пробурчал незаметно превратившийся в серое слоноподобное чудовище записной весельчак Брагин. – А в начале войны что было? Курам на смех! Все по отдельности. Жестяная коробка с угольным порошком и патрубком с респиратором, очки-консервы и, внимание, особая прищепка для зажимания носа! Пока все соберешь да приладишь, а австрийцы не ждут. Да и в этой дышать трудно. Тьфу, зараза!

К счастью, тревога оказалась ложной. Ни газов, ни штыковой атаки в расположении полка так и не дождались. Стрельба, постепенно затихая, продолжалась до самого рассвета...

7

Между тем, пока Степан мок и мерз в окопах у села Смолява, судьба его в очередной раз готовилась совершить поистине головокружительный кульбит. Невольным виновником этого, как ни странно, стал все тот же лейтенант Пиньоли. Казалось бы, где Италия и где Россия? Но – тем не менее. Как выяснилось, лейтенант отнюдь не забыл своего старого боевого товарища, пусть и отправившегося на далекую родину. И даже написал письмо в итальянскую миссию при Ставке русского Верховного главнокомандующего. Обязанности которого, как известно, в конце 1915 года возложил на себя не кто иной, как император и самодержец всероссийский Николай II. Да и в самой итальянской миссии произошли серьезные кадровые перестановки. Весной 1916 года прежнего представителя – полковника Марсенго – сменил другой полковник (позднее – генерал-адъютант), граф Ромеи Лонгена. Русские офицеры, впрочем, памятуя о бессмертной трагедии Шекспира, звали его попросту Ромео.

Новый глава миссии и получил письмо Пиньоли, в котором тот просил установить точное местонахождение бывшего военнослужащего вспомогательных частей итальянской армии Степана Воинцева. Завязалась долгая и нудная переписка с различными армейскими, корпусными и дивизионными штабами. В конечном итоге Степана отыскали и в торжественной обстановке вручили ему письмо из Италии. И он даже успел написать растроганному лейтенанту обстоятельный ответ. Мол, жив, здоров, воюю, с приложением неперенных «кланяюсь» и «спешу сообщить». И завертелось.

Без сомнения, вся эта эпистолярная эпопея запомнилась и самому графу Ромеи. По крайней мере, он крепко держал ее в голове, когда 7 октября 1916 года, в сопровождении подполковника Ориго и капитана Альбертини, прибыл в расположение 64-й пехотной дивизии 18-го армейского корпуса, входившего в состав 8-й армии русского Юго-Западного фронта. Высокопоставленных визитеров встретил временно исполняющий обязанности начальника генерал-майор Снесарев – будущий известный теоретик и геополитик. Встреча прошла на самом высшем уровне (то есть – выпито было немало)! Граф Ромеи изъявил желание посетить передовую линию, где и попал под обстрел на наблюдательном пункте, что привело к температурному (и не вполне трезвого) итальянца в полный восторг. Дальнейший банкет, впрочем, решили продолжить в более безопасном месте.

64-я дивизия в то время занимала позиции в Лесистых Карпатах. Естественно, за столом речь просто не могла не пойти и о специфике ведения горной войны. Союзники на все лады расхваливали своих доблестных альпийских стрелков.

– Да, – подытожил внимательно слушавший начальник дивизии, – в нашей армии таких специализированных частей нет. А иметь их было бы полезно. Не всегда же на равнине приходится воевать. Как сейчас, например. А наши гвардейские егеря только по плацу маршировать и привыкли. Какие уж там горы! Чего уж тогда о матушке-пехоте говорить? Ей и вовсе тяжело приходится. А ведь могли бы на штурм перевалов специальных горных стрелков послать. Но где их взять? Ведь, повторюсь, ни соответствующего опыта, ни подходящих инструкторов у нас не имеется.

– Ну, это дело поправимое, – пожал плечами Ромеи. – Особенно насчет опыта. У вас, помоему, в 11-й армии, служит, по крайней мере, один человек, успевший повоевать и в Доломитовых Альпах вместе с нашими горными батальонами «Валь-Чизоне» и «Валь-Кордеволе».

– Из эмигрантов, что ли?

– Да нет, обычный солдат. Попал в австрийский плен где-то здесь, в Карпатах, и был впоследствии освобожден нашими альпийцами после вступления Италии в войну. А потом вернулся домой.

– Хм. Любопытно...

Головы во время ужина Снесарев до конца не терял и потому полученную от итальянцев информацию запомнил. Тем более что вскоре она ему пригодилась. Два дня спустя 64-я дивизия сменила соседнюю, 78-ю, на позициях в районе знаменитого «Орлиного гнезда» – узкого горного выступа, глубоко вдававшегося в расположение австрийских войск и позволявшего держать под постоянным обстрелом занятый противником город Кирлибаба. Гребень этот, несколько высокопарно, величали еще и «перстом, указующим на Вену». Чего уж поделать. Любили наши военачальники громкие слова! Если же говорить серьезно, то «Орлиное гнездо» представляло собой очередной «Выступ Мартини». Только в больших масштабах. Естественно, как и в Доломитах, австрийцы не могли смириться с его существованием. Обложив выступ почти со всех сторон, они беспрерывно подвергали его артиллерийскому обстрелу. С остальными позициями дивизии «Орлиное гнездо» соединялось лишь посредством узкой скальной перемычки, поэтому постоянно существовала опасность полной изоляции находившегося там 2-го батальона 253-го Перекопского пехотного полка. Оттого и приравнялся он чуть ли не к гарнизону осажденной крепости!

Туда и решил направить генерал Снесарев затребованного по его срочному запросу нижнего чина Степана Воинцева. Пускай опытом делится, раз толк в горной войне знает! Для того же вызов на новое место службы оказался совершенно неожиданным. Только-только начал привыкать к очередным боевым товарищам и тут – на тебе. Но ничего не попишешь. Солдат – существо подневольное. Куда пошлют – туда и идет. Сборы тоже оказались недолгими. Да и какое имущество на войне? Вещмешок увязал, ложку за обмотку засунул – и готов. Скатку и ту по причине дождливой погоды носить не надо. Шинель и так пригодится.

От Смолявы до Брязы расстояние не столь и большое. Поэтому в расположении 253-го пехотного полка Степан очутился достаточно быстро. И опять попал, что называется, как пресловутый кур в пресловутые щи. Или ощи. Тут уж кому как нравится. 19 октября, после полудня, австрийцы подвергли «Орлиное гнездо» сокрушительному артиллерийскому обстрелу. Сила огня была настолько велика, что двое солдат, не выдержав, сошли с ума. Даже Степан, уже побывавший в серьезных переделках и многое повидавший на войне, и тот было решил, будто пришел его последний час. Пихты и ели, вырванные с корнем, подбрасывались вверх и приземлялись на собственные кроны. Кругом разлетались огромные камни и валуны, блиндажи и окопы ровнялись с землей. Оставалось лишь лежать, бессильно закрыв голову руками, сотрясаясь от близких разрывов и горячо шептать любые пришедшие на ум молитвы. Казалось, что ничто живое не сможет уцелеть в этом аду. Тем не менее собственные потери 2-го батальона оказались на удивление невелики – всего двое убитых и пятнадцать раненых.

– Н-да, хорошо же здесь гостей встречают! – нашел в себе силы пошутить Степан, отряхивая всю засыпанную землей гимнастерку.

Еще более ожесточенную атаку гарнизону «крепости» довелось пережить 23 октября. Тут уж австрийцы одним обстрелом, начатым в восемь утра, не ограничились и ринулись на штурм. С превеликим трудом его удалось отбить, однако передовую линию окопов пришлось оставить. Все равно она в буквальном смысле слова была перепахана вражескими снарядами и завалена трупами – своими и чужими. А австрийская канонада не стихала. Противник явно готовился к повторному натиску. Его артиллеристы предусмотрительно держали под губительным огнем вышеупомянутую перемычку, соединявшую «Орлиное гнездо» с дивизией, не давая перебросить по ней никаких подкреплений.

Вторая атака последовала в полдень, третья – в три часа. Она оказалась самой тяжелой. Штыковая докатилась почти до самого штаба батальона. Прикрывавшая его 8-я рота погибла вся, но позиций не оставила. Полуразрушенные окопы многократно переходили из рук в руки и все же к вечеру остались за русскими. От усталости оставшиеся в живых защитники выступа еле держались на ногах. А тут еще из штаба корпуса поступил приказ – немедленно контратаковать! По счастью, командир батальона штабс-капитан Гавриленко не поспешил бездумно его

выполнять. Находясь на месте, он прекрасно видел, что угроза далеко еще не миновала и все продолжает висеть буквально на волоске. Людям требовался отдых, батальону – пополнение, а главное – необходимо было в спешном порядке расчистить и привести в порядок засыпанные землей окопы. Будущее показало правоту штабс-капитана. Контратака, при поддержке заградительного огня дивизионной артиллерии, состоялась на следующий день и сразу же принесла ощутимые плоды. Австрийцев, морально сломленных неудачными штурмами, удалось и вовсе отбросить подальше от «гнезда».

Не забывал своих подчиненных и генерал Снесарев. 20 и 26 октября он вместе с начальником штаба дивизии полковником Соллогубом лично посетил выступ, награждал отличившихся, побеседовал с солдатами. Недаром те сочинили о своем комдиве простую и несколько бесхитростную песню: «Пусть враги на скалах диких! Нам не страшен пушек рев. Ведь для подвигов великих с нами вождь наш Снесарев!» Поговорил он и со Степаном, однако быстро понял, что кроме самых общих положений, тот ничего о службе на высокогорье не знает. Да и странно было бы ожидать иного от рядового солдата. Тем более – простого подносчика снарядов! Невзирая на столь разочаровывающий результат, генерал по-прежнему имел на прикомандированного нижнего чина определенные виды. Тем более что в начале декабря подходил к концу срок временного исполнения Снесаревым обязанностей начальника 64-й пехотной дивизии.

Однако до этого его подчиненным предстояло провести еще одну боевую операцию. 15 ноября, в 11.00, после артиллерийской подготовки, они пошли на штурм высоты 1307, занятой противником. И вновь повторилась та же история, что и у французов на Хартмансвиллеркопфе или, позднее, у итальянцев на Раушкофеле. Взять-то высоту взяли, но удержать ее не смогли. К тому же начал накрапывать мелкий дождь. Повторную атаку решили перенести на следующий день, заодно изменив и ее цели. Теперь дивизии предстояло штурмовать и непременно занять высоты 1318 и «Голый пуп». Примечательное название!

Утром 16 ноября слегка подморозило и в воздухе после вчерашнего дождя повис густой туман. От промозглой сырости, словно разлитой повсюду, Степана бил постоянный озноб, казалось, пробиравший до самых костей. Стоя в окопе, он то и дело дул на красные, озябшие ладони, сдвинув винтовку к плечу или в сгиб локтя. Из рта клубами вырывался пар. Ничего не изменилось и после сигнала ротного. Солдаты полезли на бруствер вяло, недружно, поминутно чертыхаясь и оскальзываясь на покрытых инеем камнях. От былой молодецкой удали не осталось и следа. Да и устали они порядком.

Поняв, что атака грозит провалиться, вперед устремился сам начальник штаба дивизии полковник Соллогуб. Однако его вскоре ранили в голову, и наступательный дух русских окончательно угас. Они вернулись в свои окопы, так и не сумев закрепиться на захваченном было «Голом пупе». Но он же голый! Шутка, конечно. Если же говорить серьезно, то даже за столь невнятный результат генерал-майор Снесарев оказался удостоен очередной награды – III степени ордена Святого великомученика и Победоносца Георгия. Офицерского Георгиевского креста, короче говоря. Солдатам же, по большому счету, кресты достались деревянные...

8

Между тем подошел к концу и срок временного исполнения генералом Снесаревым обязанностей начальника 64-й пехотной дивизии. 9 декабря он сдал все дела своему преемнику, неделю спустя тепло распрощался с подчиненными и на следующий день выехал в Каменец-Подольск. Следовало подумать и о следующем назначении. Впрочем, относительно него у генерала имелись кое-какие задумки. Оттого и взял он Степана с собой в Петроград.

В столицу империи оба (в компании еще и с генеральским денщиком Яшкой) прибыли на поезде 23 декабря 1916 года. Первым делом Снесарев, разумеется, отдохнул в кругу семьи, которую уже не видел порядком времени, и лишь потом занялся своими служебными делами. Сказать по правде, после боев в Карпатах и бесед с представителями итальянской военной миссии у него окончательно оформилась идея о необходимости создания в русской армии специализированного горного подразделения. Типа пресловутого «Альпийского корпуса» у немцев и итальянцев. Для подкрепления своих доводов генерал и взял Степана с собой. В качестве своеобразного живого свидетеля, так сказать. Одновременно Снесарев рассчитывал, что создать, а затем и возглавить новое соединение поручат именно ему. Однако в Генштабе к данной затее отнеслись без особого восторга, ограничившись только расплывчатыми фразами, за которыми явно проступал решительный отказ.

Генералу-то что? Нет – так нет. Взял под козырек и отправился домой, нового назначения ждать. А Степану? Ясное дело, что ему придется в окопы возвращаться, но вот куда? В 7-ю пехотную дивизию или 64-ю? А может, лучше сразу в родную – 14-ю? С котлового-то довольствия его везде пока сняли.

С такими невеселыми мыслями Воинцев и направился в местное воинское присутствие, невольно ощупывая в кармане сопроводительные бумаги, составленные генералом Снесаревым. И тут его неожиданно окликнули:

– Стефано! Руссо!

Обернувшись, Степан, к своему немалому изумлению, увидел приближавшегося к нему, широко раскинув руки, Амфитеатрова.

– Узнал? – тем временем пророкотал «Московский Фауст» и оглушительно расхохотался. – Не зря же говорят, что только гора с горой не сходятся. А я, брат, тоже на Родину вернулся. Хоть в Италии и хорошо, а дома лучше. Ну а тебя какими судьбами в Питер занесло?

– Да вот, за новым направлением иду.

И Степан в двух словах рассказал журналисту о своих приключениях.

– Тю! А ты что? Растерялся?

– Да не то чтобы. Просто не знаю, куда на этот раз служить pošлют.

– Ты, братец, главное, не спеши. Попробуем твоему горю помочь...

И Амфитеатров опять «порадел». Еще в 1911 году, в бытность редактором и фактически руководителем журнала «Современник», он привлек к сотрудничеству, а потом и подружился с известным всей тогдашней читающей России поэтом Сашей Черным (в миру – Александром Гликбергом). Оба в определенной степени были близки к масонским кругам. Хотя почему, собственно, близки? Едва очутившись за границей, находившийся в оппозиции к царскому правительству Александр Амфитеатров не преминул вступить в парижскую ложу «Космос». Саша Черный стал масоном гораздо позднее. Тем не менее многие считают, что именно благодаря покровительству 2-го брата-наставника московской ложи «Возрождение» князя Оболенского поэту удалось перевестись из штаба 5-й армии сначала в госпиталь дворцового ведомства в Гатчине, а затем и в расположенный в Пскове 18-й полевой запасный госпиталь. Там он исполнял обязанности палатного надзирателя. Водил Черный дружбу и с главным врачом госпиталя коллежским советником Држевецким. Так что совсем неудивительно, что свое очеред-

ное назначение Степан получил именно в Псков. «Тук-тук»! – как любили говаривать «вольные каменщики».

К новому месту службы Воинцев прибыл в самый канун Рождественского сочельника. В госпитале ему сообщили, что ни главного врача, ни палатного надзирателя Гликберга здесь нет, однако подсказали адрес, по которому их можно было найти. Путь к незнакомому дому проходил вдоль скованной льдом реки Псковы. В рано потемневшем небе блистали яркие декабрьские звезды. Свистел холодный, пронизывающий ветер. Степан, поневоле замедлив шаг, даже залюбовался окружающей природой. Настоящая ночь накануне Рождества!

Дом «тети Вали» оказался довольно вместительным особняком. Едва войдя внутрь, предварительно обстучав снег с сапог, Степан сразу же услышал возбужденный гул множества голосов и увидел сваленную в передней целую кучу шуб и шапок. Осознав, что нечаянно нагрянул на самое натуральное торжество, солдат смутился и постарался было выйти вон. Однако хозяева и гости, по преимуществу – фрондирующая интеллигенция, не позволили ему это сделать. Многие из них все еще исповедовали трогательную идею полного единения с простым народом. А тут такая оказия! Оттого представителя этого самого народа протянули сквозь зал, в котором возвышалась украшенная игрушками и сверкающими огнями елка, и усадили за накрытый традиционными рождественскими кушаньями стол. Главное место на нем занимали кутья с маком и узвар из сушеных груш. Хватало и иных блюд и напитков. В том числе и запрещенного по случаю «сухого закона» вина. Поэтому неудивительно, что обстановка за столом вскоре стала веселой и непринужденной.

Поэт и по совместительству палатный надзиратель Саша Черный оказался худощавым, несколько нескладным человеком лет под сорок, с ироничным выражением лица и почти сплошь посеребренными ранней сединой висками. По-видимому, пребывал он в хорошем настроении. По крайней мере, много шутил и смеялся. Ну и охотно поддерживал разговор на самые возвышенные темы. Похоже, прошедшие два с половиной года страшной войны так и не смогли до конца убить некоторых прекраснодушных мечтаний поэта. Вот и сейчас, хлопнув пару рюмок мадеры, он оседлал своего излюбленного конька.

– Вы знаете, как ни избито это звучит, но надо нести искру просвещения в простой русский народ. Приобщать к искусству, литературе. Вот, например, у нас в госпитале священник отец Василий читает раненым Гоголя. И это просто замечательно! Но ведь одним Николаем Васильевичем наша литература отнюдь не ограничивается. Можно же и что-нибудь поактуальнее солдатам давать. Чехова там или Максима Горького. Вот вы на передовой о них хоть краем уха слышали? – заинтересованно обратился Черный к Степану.

– О ком? – чуть не поперхнулся узваром тот.

– Ну, о Чехове. Или Максиме Горьком.

– Про первого, честно признаться, не слышал. А вот Максима Горького в окопах прекрасно знают. Здорово же нам от него достается!

– От кого? От Максима Горького?!

– Ну да. Так у нас разрыв шрапнели называется.

– Ой, молодцы! Складно придумали! – рассмеялся поэт. – Знал бы Алексей Максимович, как чтут его полемический талант на фронте! Раньше голоса писателей к набатному колоколу приравнивали, а теперь, получается, к артиллерийскому разрыву. Прогресс на месте не стоит!

– Какой еще Алексей Максимович?

– Ну, Пешков. Так его на самом деле зовут. А Максим Горький – это псевдоним.

– Понятно. Сложно все у вас тут...

– Где? В тылу?

– Да.

– Так и на передовой, по-моему, не легче. К войне-то как там у вас относятся? По-прежнему – «до победного конца»?

– Нет, – отрицательно мотнул головой несколько расслабившийся Степан. – Скажу вам как на духу, ваша милость. Заканчивать надо. Устал народ. Как бы чего не вышло.

– Вот, вот! – опять оживился Черный. – Я об этом давно говорю. К чему эта кровь, страдания? Взяли бы все да разом крикнули: «Не хотим больше воевать!»

– Так как же такое крикнешь? – криво усмехнулся Степан. – На это, чай, военно-полевой суд существует.

– Нет-нет! Вы меня не поняли. Я имею в виду всех, кто на фронте гибнет. И наших, и немцев, и австрийцев. Надо, чтобы они все разом крикнули! Одновременно. Тогда и войне конец придет.

– Звучит, конечно, хорошо, но явно несбыточно...

Сама пирушка закончилась только под утро. А потом опять потянулись обычные служебные будни. По ходатайству уведомленного Амфитеатровым Сашу Черного Степана зачислили санитаром все в тот же 18-й полевой запасный госпиталь, занимавший помещение древних Поганкиных палат. Вообще в Пскове все словно дышало исконной русской стариной. А вот сама новая служба, вопреки ожиданиям, давалась Степану довольно непросто. Как выяснилось, он не мог спокойно смотреть на постоянные страдания, пусть и совершенно незнакомых людей. Да и хороши обязанности для здорового мужика – подкладные судна из-под раненых вытягивать! Нет, этим пусть лучше недоучившиеся студенты занимаются! Которым до дрожи на фронт попасть не хочется! Оттого и старался Степан побольше на работы по хозяйственному снабжению напрашиваться. Мясо, молоко и масло у окрестных крестьян получать, извозом заниматься.

Ситуация усугубилась 2 февраля, когда главного врача госпиталя доктора Држевецкого перевели в управление военных сообщений штаба Северного фронта. Сашу Черного тот вскоре тоже перетащил за собой. Степан остался в окружении почти чужих людей и поневоле затосковал. Между тем, в стране назревали серьезные события. Вскоре по воле случая в их эпицентре оказался и Псков с его окрестностями.

К началу 1917 года династия Романовых перестала устраивать практически всех. Да и сам Николай II, если взглянуть правде в лицо, был откровенно слабым правителем. Все его царствование представляло собой бесконечную череду уступок и компромиссов. Приняв от отца Россию крепкой и самодержавной, новый император собственными руками ограничил свою власть, согласившись на созыв Государственной думы и создав, таким образом, самое натуральное гнездо оппозиционных настроений и демагогических высказываний. Потом поставил страну в полную зависимость от иностранных займов и кредитов, что неминуемо повлекло за собой ее участие в Первой мировой войне. Ну и, наконец, пресловутая «Распутинская история». Сейчас понятно, что одиозный «старец» отнюдь не обладал тем демоническим влиянием, которое ему тогда приписывали. Возможно, он просто лечил наследника престола от обострения приступов гемофилии. Вполне возможно. Однако именем Распутина ловко воспользовалась оппозиция и либеральная общественность всех мастей. И надо было быть поистине слепым человеком, чтобы не увидеть возможных последствий и не принять никаких мер. В конечном итоге популярность монархии резко пошла на спад.

Была ли у Николая II возможность избежать негативного развития событий? Да и не одна. Последний такой шанс, по-моему, был упущен летом 1914 года, сразу после вступления России в войну. Тогда обществом на короткий миг овладело неслыханное единение. Даже лидеры оппозиционных партий изъявили желание сотрудничать с правительством вплоть до полной победы над врагом. Вот на волне того всеобщего энтузиазма и следовало бы Государственную думу распустить на неопределенный срок. А во всей стране немедленно ввести военное положение. Но для столь решительного шага надо быть Наполеоном, а не Николаем II! Ведь тот не осмелился даже нарушить «нормального» течения жизни в России! И это в годину вражеского нашествия! Ведь очутившийся в схожем положении СССР только ценой неимоверного

напряжения и жесткой централизации всех отраслей промышленности смог выиграть долгую и кровопролитную войну с Германией. Николай же II, напротив, отдал многие военные заказы в руки частных лиц. А те нередко задерживали их исполнение, да и цену ломили невероятную.

Более того, вконец потеряв голову от шальных денег, нажитых на поставках в армию, буржуазия на полном серьезе вознамерилась сама поучаствовать в управлении государством. Но для этого требовалось свергнуть императора. Конечно, это мечтали сделать многие. В том числе и всевозможные оппозиционные и полуподпольные партии. Но у тех было мало возможностей. Чего не скажешь о заговорщиках из числа «думцев», за спинами которых явственно маячили крупные финансовые воротилы. Ну а когда на свою сторону удалось склонить еще и верхушку высшего армейского командования, дело и вовсе пошло как по маслу!

22 февраля 1917 года Николай II отбыл на поезде из Царского Села в расположенную в Могилеве Ставку. Днем позже в Петрограде начались уличные волнения. До сих пор неясно, были ли они действительно вызваны доведенными до отчаяния народными массами либо стали результатом четко спланированной акции ведущих промышленников, сначала задержавших поступление продовольствия в столицу, а потом начавших массовые увольнения на принадлежащих им предприятиях. Естественно, что потерявшие работу люди вышли на улицы. А там их негодование еще и подогрели женщины, стоявшие в длинных очередях за хлебом и другими жизненно необходимыми продуктами. И революция, которую все предсказывали, но никто не ожидал, началась!

В скором времени стало окончательно ясно, что ситуация полностью вышла из-под контроля. Полиция одна не смогла справиться с митингующей толпой, а вызванные ей на подмогу войска стрелять в народ отказались. Но если казаки просто соблюдали нейтралитет, то запасные гвардейских полков, которым до смерти не хотелось идти на фронт, и вовсе примкнули к восставшим. Находившиеся в столице члены правительства запаниковали. Министр внутренних дел Протопопов, военный министр Беляев и главнокомандующий войсками Петроградского военного округа Хабалов принялись слать отчаянные телеграммы царю с призывами вернуться и своим личным присутствием навести, наконец, порядок. Однако, несомненно, участвовавший в заговоре начальник штаба генерал Алексеев попросту прятал их «под сукно». Царю информация давалась дозированно и в основном успокаивающего характера. Лишь 27 февраля в Ставке внезапно осознали, что волнения разрослись до угрожающих масштабов. Простые уличные беспорядки превратились в самую настоящую революцию!

В тот же день Николай принял решение возвратиться в столицу. Однако информация об этом, через железнодорожников, быстро дошла до только недавно назначенного комиссаром Государственной думы в Министерстве путей сообщения Бубликова. И от того последовало немедленное приказание ни в коем случае царский поезд в Питер не пропускать! Конечной точкой, до которой удалось добраться составу Николая II, стала станция с символическим названием Дно. Дальнейший путь в столицу оказался наглухо перекрыт. Тогда император распорядился свернуть в Псков, в расположение штаба Северного фронта. Оттуда, пользуясь телеграфным аппаратом системы Юза, можно было вести переговоры как с самим Петроградом, так и со Ставкой. Кроме того, Николай, несомненно, рассчитывал и на определенную поддержку главнокомандующего войсками фронта генерал-адъютанта Рузского. Но и тот был в заговоре! Вместо прямого следования присяге в 03.30 2 марта он затеял какие-то переговоры с председателем Государственной думы Родзянко, от которого и получил указание склонить императора к отречению от престола в пользу сына и наследника. Эти требования Рузский немедленно сообщил в Могилев, генералу Алексеву. А тот, в свою очередь, разослал для ознакомления главнокомандующим остальных фронтов – Западного, Юго-Западного, Румынского и Кавказского. И это в то время, когда царь преспокойно спал в своем вагоне, ни о чем не догадываясь!

Ответы командующих начали приходить днем. Все они, даже дядя императора великий князь Николай Николаевич, однозначно высказались за отречение. Это известие, вкуче с сооб-

щениями о новых беспорядках, несомненно, подточило волю государя к сопротивлению. «Кругом измена, трусость и обман», – с горечью записал он в дневнике. В 23.40 2 марта, после прибытия в Псков посланцев Государственной думы Шульгина и Гучкова, Николай II подпишет Манифест об отречении, но не в пользу сына, а в пользу брата Михаила. На следующий день от престола откажется и тот. Династия пала...

9

Вскоре после революции Степан наконец добился своего, подав прошение о переводе в действующую армию самому главнокомандующему войсками Северного фронта генерал-адъютанту Рузскому. Тот, впрочем, слушал его не очень внимательно. Оно и понятно. Ситуация в стране начала складываться не совсем так, как планировали включившиеся в заговор против императора военные. Если честно, то мыслили они слишком узкими категориями, оттого и оказались в прямом смысле обвешены вокруг пальца своими недавними союзниками из числа либеральной интеллигенции, захватившими власть в феврале 1917 года. Вот те, напротив, в отличие от генералов, о политике думали постоянно и терпеть каких-либо сильных конкурентов отнюдь не собирались. Поэтому едва ли не первыми шагами новоявленного Временного правительства стал решительный слом всей прежней системы управления. В отставку отправились многие губернаторы и градоначальники. А вскоре за ними последовали и наиболее влиятельные и популярные командующие армиями и фронтами. Пример Наполеона Бонапарта, на гребне революции вышедшего из военной среды, а потом захватившего власть, был еще слишком ярким и показателен для образованной части общества. Потому «думцы» и стремились не допустить ничего даже близко подобного.

А тут еще этот непонятный Совет рабочих и солдатских депутатов, шустро возникший чуть ли не одновременно с новым правительством. Именно он отдал «Приказ № 1», отменявший всякое чинопочитание и тем самым сыгравший роковую роль в жизни армии. Дисциплина в частях начала стремительно падать. И хотя первоначально пресловутый приказ предназначался только для войск Петроградского гарнизона, в скором времени о нем узнала и вся армия. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кресло под генералом Рузским ощутимо зашаталось. В фигуральном смысле слова, разумеется. Немудрено поэтому, что слушал он Степана весьма поверхностно. И лишь после ухода солдата Рузский словно встрепенулся и спросил у своего начальника штаба генерала Данилова (Черного):

- А чего он, собственно, хотел?
- Вернуться на фронт, Николай Владимирович.
- Похвальное желание! А в какую часть? Я, признаюсь, о своем думал.
- Что фронт – Юго-Западный, я точно запомнил. А вот насчет части...

Надо сказать, что Степан, на свою голову, упомянул о наличии в 14-й пехотной дивизии, помимо 1-й пехотной, еще и 2-й гренадерской бригады. В которую, собственно, и входил его 56-й пехотный Житомирский полк. И вот сейчас оба генерала, пребывавшие уже в годах, с трудом припоминали об этом.

– По-моему, он просился в какую-то гренадерскую дивизию, – наконец твердо произнес Данилов.

- Да? А какие у нас есть на Юго-Западном фронте?
- 3-я гренадерская! В 25-м армейском корпусе.
- Вот туда его и пошлем! Пишите предписание...

Так Степан нежданно-негаданно очутился в рядах 9-го гренадерского Сибирского генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка. Упомянутое шефство, впрочем, довольно скоро было снято. Давали знать о себе новые, революционные веяния. На фронте стояло относительное затишье. Расквартированный на территории Луцкого уезда Волынской губернии полк занимался рутинными работами по укреплению и дальнейшему обустройству собственных позиций. Поскольку подоспела ранняя весна с ее бурным таянием снегов, то из окопов и ходов сообщения постоянно приходилось откачивать воду. Солдаты ходили в ватниках, заляпанных грязью сапогах и лихо заломленных папахах. Дисциплина пока поддержива-

лась, пусть и не на надлежащем уровне. По крайней мере, командование полка было вынуждено периодически напоминать о соблюдении самых простейших гигиенических требований, поддержании чистоты и так далее.

Изменения, потрясшие до основания трехсотлетнюю империю Романовых, были, что называется, налицо. Проникли они даже в такой, казалось бы, освященный традицией ритуал, как празднование Пасхи. В 1917 году она пришлась на 3 апреля. Как и в прежнее время, солдаты любовно выстроили из еловых ветвей полевою церковь. Образ Спасителя для нее написал прапорщик Нечаев. Однако вместо привычной аббревиатуры БЦХ (Боже, царя храни), повсюду виднелись надписи типа «Свободные граждане». Да и музыканты полкового оркестра выступали теперь не иначе, как под красными знаменами. Пробудилась Русь!

После заутрени, отслуженной полковым священником отцом Константином Богоявленским, состоялось разговение. Прямо на земле расстелили брезент, на котором расставили ящики и лукошки с крашеными яйцами, разложили присланные из тыла палки чайной колбасы, а добровольцы из солдат принялись сноровисто резать на куски большие пятифунтовые куличи. Не обошлось и без традиционных развлечений. Под звуки разухабистой «ливенки» и всевозможных дудок и сопелок в команде связи отплясывали лихую «Камаринскую» и распевали наскоро сочиненные частушки. Чуть поодаль, далеко окрест, разносились звуки еле-еле толком разученной «Марсельезы». В общем, кружилась голова!

Попеременно, то откусывая от солидного ломтя кулича с зажаристой корочкой, то прихлебывая из железной кружки выданное по особому случаю мутноватое молодое вино, Степан вспоминал все праздники, которые ему довелось пережить на войне. Начать, пожалуй, можно с Нового года. Особенно – первого из военных. В декабре 1914 года 14-я пехотная дивизия, в которой он тогда проходил службу, стояла в заснеженных Карпатах. Неожиданно в ночь с 19 на 20 декабря со стороны австрийских позиций донеслись возгласы радости, в небо взлетели десятки осветительных ракет. Потом загрохотала артиллерия. Впрочем, вопреки ожиданию, палила она тоже в воздух. Недоумение русских длилось до тех пор, пока один из «образованных» не вспомнил:

– Так ведь сегодня австрияки Новый год празднуют! Сильвестр, по-ихнему!

Действительно, австрийские немцы, чехи, хорваты, да и венгры тоже, праздновали Новый год по григорианскому календарю. От принятого в России юлианского, в двадцатом веке, он отличался на тринадцать дней. Однако в армии империи Габсбургов служили еще и униаты или греко-католики, такие как русины, гуцулы или румыны. Вот у тех как раз Святки совпадали с православными. Поэтому вплоть до Крещения на фронте установилось затишье. Обе стороны чистили непрерывно сыпавший снег, занимались укреплением стен блиндажей и окопов. Ну и праздновали, само собой!

«Да, а дома сейчас поросенка готовят! – в самый канун Нового года подумал Степан. – Не зря же в народе говорят, что свинку да боровка – для Васильева вечерка! Причем поросенок непременно должен быть жареный и подаваться на стол целиком. Потому и вечер – щедрый! Праздник святого Василия Кесарийского! Как стемнеет, детишки и молодежь побегут по дворам распевать щедривки. А рано утром – уже Овсень. Или Таусень. Тогда посевают, желают богатого урожая и с Новым годом поздравляют!»

Почти же перед самым наступлением зимы – 21 ноября – отмечали день Михаила Архангела. Или Архистратига. В его родной украинской Буйловке праздник этот считался престольным. И гуляли его широко, раздольно! Тем более что день святого Михаила приходился на самый конец полевых работ. Хлеб убран, излишки проданы, подати заплачены. Глядишь, у мужичка свободная копейка и появилась! На Михайлу Архангела принято ходить в гости. Хозяйка варит лапшу, выставляет на стол вареное, а потом обжаренное мясо свиньи, барана или теленка, ну а хозяин наливает из заветного шкалика, а то и из четверти! Попировав, идут дальше. Если силы, конечно, остаются! На второй день хозяева и гости, похмелившись, меня-

ются местами. Приглашают родственников и кумовьев и из соседних сел и хуторов. При этом зорко следят, придут ли? Если кто отказался, к тому и сами в следующий раз не поедут. Что и говорить, умели на Руси гулять душевно!

Вообще, весна 1917 года запомнилась многим ощущением сплошного праздника. Сколько впереди было надежд и ожиданий! Большие и малые торжества и памятные даты, казалось, шли бесконечной чередой. Вслед за Светлым Христовым Воскресением на горизонте явственно замаячило 1 Мая – день международной солидарности трудящихся. Впервые в бывшей империи Романовых его готовились отметить на государственном уровне. Напомню, что Февральская революция считалась буржуазно-демократической. Наряду с кадетами и октябристами в ее организации самое деятельное участие принимали и партии социал-демократов (преимущественно – меньшевиков) и социалистов-революционеров (эсеров). А их излюбленным лозунгом была борьба за нужды пролетариата. Вот и пришлось господам Гучкову и Милюкову скрепя сердце согласиться с празднованием Первомая. Причем на самом широком уровне. А иначе массы не поймут!

В полосе Особой армии основные праздничные мероприятия состоялись в уездном Луцке. Довелось побывать на них вместе с делегацией от полка и Степану. Впервые очутившись на Замковой площади, он едва не оглох от грохота многочисленных духовых оркестров и разноголосого гула огромной человеческой толпы. В глазах буквально рябило от обилия красного цвета. Всевозможные банты, знамена и транспаранты реяли над головами собравшихся. Увы, но корень будущих разногласий, похоже, закладывался уже здесь. Начертанные крупными буквами лозунги самых разных политических группировок словно спорили друг с другом. «Война до победного конца!» и «Долой войну!», «Вся власть Советам!» и «Да здравствует Временное правительство!». И, наконец, венчавшее все: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

С площади толпа солдат в пятнадцать-двадцать тысяч человек переместилась на лагерное поле. Никаких заранее подготовленных трибун не было. Все желающие выступали прямо с открытых кузовов грузовиков. Собравшиеся то и дело взрывались аплодисментами. Причем хлопали всем. Лишь бы говорили побойчее да обильно уснащали свою речь звонкими «р-р-революционными» фразами. К тому же выступления наименее голосистых ораторов порой заглушал странный мерный шелест, производивший впечатление какого-то насекомого. Вроде массового лета полчищ саранчи. Это дорвавшиеся солдатики массово лузгали подсолнечные семечки!

Между тем одно только это являлось первым тревожным симптомом грядущего развала армии. Весной Юго-Западный фронт начал готовиться к проведению запланированного еще в конце прошлого года летнего наступления. По всем прикидкам состояться оно должно было в июне. Однако почти сразу выяснилось, что теперь войскам уже недостаточно просто приказать. Их требовалось еще и уговорить! А что, собственно, господа демократы хотели, издавая свой человеколюбивый и полный гражданского пафоса «Приказ № 1»? Во все времена и во всех армиях мира железной дисциплины добивались только страхом перед наказанием. То есть, как любил говаривать один из лидеров большевиков, в недалеком будущем человека надо поставить перед выбором возможной смерти впереди и неминуемой – позади. И никаких дискуссий! В противном же случае, согласитесь, что проще: идти в атаку на вражеские пулеметы или драть горло на солдатской сходке, добиваясь принятия резолюции о признании наступления «нецелесообразным»? То-то же...

Потому и зачастили в действующую армию всевозможные высокопоставленные визитеры во главе с самим Главнокомандующим Керенским, немедля иронично прозванным «Главноуговаривающим». Солдатики, расстегнув крючки шинелей, слушали да мотали себе на ус. Наступать-то они, в конечном итоге, вроде бы согласились. Но это решение было принято в безопасном тылу и не под гром немецких пушек...

10

В начале июля Степан, опять же не по собственной воле, встрял в одну довольно неприятную историю, которая вполне могла ему в недалеком будущем серьезно аукнуться. Но, к счастью, обошлось. Да и сам он постарался выпутаться из нее с наименьшими потерями.

К лету 1917 года, после ознакомления с пресловутым «Приказом № 1», разбросанные по всей необъятной стране запасные полки и тыловые гарнизоны начали стремительно разлагаться. И процесс этот было уже не остановить, поскольку исчезли всякие сдерживающие факторы. Солдаты быстро смекнули, что любой приказ командования теперь можно оспорить, на занятия не ходить, офицеров ни в грош не ставить, да и вообще позабыть о любом подобии дисциплины. И за это ничего не будет! Ведь смертную казнь отменили! Так отчего же тогда не помяться от безделья в безопасном тылу, проедая казенный паек и беспрерывно лузгая семечки, лениво слушая всяческих демагогов и краснобаев? Единственное, от чего запасники категорически отказывались, – так это идти на фронт. А иначе, в противном случае, кто же тогда «завоевания революции» защищать будет?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.